

Александр Сергеевич

**Стихотворения
1823-1836**

Александр Сергеевич Пушкин

Стихотворения 1823-1836

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125901
Собрание сочинений в десяти томах. Том второй:
Государственное издательство Художественной
Литературы. ; Москва; 1959*

Аннотация

Второй том электронной версии [Собрания сочинений](#) в 10 томах, (<http://www.rvb.ru/pushkin>, версия 1.2 от 30 ноября 2000 г.) вышедшего в 1959-1962 гг. в Государственном издательстве «Художественная литература» под общей редакцией Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова и Ю. Г. Оксмана. Издание было осуществлено при участии целого ряда ведущих ученых-пушкинистов (Т. Г. Цявловской и др.).

Содержание

1823	25
ПТИЧКА1	25
ЦАРСКОЕ СЕЛО2	27
* * *	29
НОЧЬ	30
* * *4	31
* * *5	32
ДЕМОН6	34
* * *7	36
Изыде сеятель сеяти семена своя.8	38
Кн. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ10	40
ТЕЛЕГА ЖИЗНИ	41
ЖАЛОБА11	42
1824	43
***12	43
1	43
2	44
3	44
4	45
5	46
6	46
7	47
8	48

9	48
10	49
* * *	50
ДАВЫДОВУ	51
ПРОЗЕРПИНА25	53
ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ	55
К ЯЗЫКОВУ28	57
РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С	60
ПОЭТОМ33	
К МОРЮ36	69
КОВАРНОСТЬ42	73
* * *	75
* * *	76
ВИНОГРАД45	78
ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО	79
ДВОРЦА46	
* * *48	81
* * *49	83
ДРУЖБА	85
ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ50	86
I51,	86
II	87
III	88
IV	90
V	91
VI	92

VII	93
VIII	93
IX	94
* * *	96
* * *59	97
ЧААДАЕВУ60	98
АКВИЛОН62	100
* * *	102
ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗОРУ65	103
* * *	108
* * *	109
* * *	110
* * *	111
* * *	113
* * *	114
* * *	115
1825	116
СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО85	116
* * *	118
ОДА ЕГО СΙΑТ. ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ86	119
КОЗЛОВУ96	123
ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ97	125
П. А. ОСИПОВОЙ99	127
* * *	128
АНДРЕЙ ШЕНЬЕ101	131

К РОДЗЯНКЕ	139
К***	141
ЖЕНИХ111	143
* * *	152
* * *	153
ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ	154
Н. Н.	155
САФО	156
* * *	157
19 ОКТЯБРЯ115	159
* * *	165
СЦЕНА ИЗ ФАУСТА116	166
БЕРЕГ МОРЯ. ФАУСТ И	166
МЕФИСТОФЕЛЬ.	
ЗИМНИЙ ВЕЧЕР117	173
* * *	175
* * *	176
БУРЯ	177
* * *	178
С ПОРТУГАЛЬСКОГО	179
ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ122	182
* * *	183
* * *	184
* * *	185
ПРИЯТЕЛЯМ	186
СОВЕТ	187

* * *	188
ПРОЗАИК И ПОЭТ	189
ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!	190
ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ	191
EX UNGUE LEONEM	192
* * *	193
СОЛОВЕЙ И КУКУШКА	194
ДВИЖЕНИЕ	195
* * *	196
НА ТРАГЕДИЮ ГР. ХВОСТОВА,	197
ИЗДАННУЮ С ПОРТРЕТОМ	
КОЛОСОВОЙ	
* * *	198
* * *	199
К БАРАТЫНСКОМУ	200
К Е. Н. ВУЛЬФ	201
* * *	202
К ВЯЗЕМСКОМУ	203
К ЯЗЫКОВУ	204
ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ	205
ПРИЗНАНИЕ	208
ПРОРОК	210
К. А. ТИМАШЕВОЙ	212
НЯНЕ	213
* * *	214
* * *	216

И. И. ПУЩИНУ	217
СТАНСЫ	218
ОТВЕТ Ф. Т***	219
ЗИМНЯЯ ДОРОГА	220
К**	222
МОРДВИНОВУ	223
ЗОЛОТО И БУЛАТ	225
1827	226
* * *	226
СОЛОВЕЙ И РОЗА	227
* * *	228
Ек. Н. УШАКОВОЙ	229
КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.	230
Ек. Н. УШАКОВОЙ	231
* * *	232
АРИОН	233
АНГЕЛ	234
* * *	235
КИПРЕНСКОМУ	238
АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ	239
КАРАМЗИНОЙ	
ПОЭТ	240
* * *	241
* * *	242
ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ	244
* * *	251

19 ОКТЯБРЯ 1827	252
ТАЛИСМАН	253
ЭПИГРАММА	255
* * *	256
РУССКОМУ ГЕСНЕРУ	257
1828	258
ДРУЗЬЯМ	258
ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ	260
СОЧИНИТЕЛЮ «САТИРЫ НА	
ИГРОКОВ»	
* * *	262
* * *	264
В. С. ФИЛИМОНОВУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ	267
ПОЭМЫ ЕГО «ДУРАЦКИЙ КОЛПАК»	
ТО DAWE, ESQr	268
ВОСПОМИНАНИЕ	269
ТЫ И ВЫ	270
* * *	271
И. В. СЛПНИНУ	272
* * *	273
* * *	274
ЕЕ ГЛАЗА	275
* * *	276
К ЯЗЫКОВУ	277
Н. Д. КИСЕЛЕВУ	279
ПОРТРЕТ	280

НАПЕРСНИК	281
* * *	282
ПРЕДЧУВСТВИЕ	283
УТОПЛЕННИК	285
* * *	289
* * *	292
* * *	293
19 ОКТЯБРЯ 1828	294
* * *	295
АНЧАР124	297
ОТВЕТ КАТЕНИНУ	299
ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ	300
ЦВЕТOK	301
ПОЭТ И ТОЛПА	302
ЩЕРБИНИНУ	305
* * *	306
* * *	307
* * *	308
1829	309
Е. Н. УШАКОВОЙ	309
Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ	310
* * *	311
ПРИМЕТЫ	312
ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ	313
* * *	314
* * *	315

КАЛМЫЧКЕ	316
* * *	318
ИЗ ГАФИЗА	321
ОЛЕГОВ ЩИТ	322
* * *	323
* * *	324
ДОН	325
* * *	326
ЗИМНЕЕ УТРО	328
* * *	330
ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ	331
* * *	334
* * *	335
КАВКАЗ	337
ОБВАЛ	339
МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ	341
ДЕЛИБАШ	342
* * *	343
К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ	344
ЭПИГРАММА	345
* * *	346
ЭПИГРАММА	347
* * *	348
* * *	349
* * *	350
САПОЖНИК (ПРИТЧА)	351

ЭПИГРАММА	352
ЭПИГРАММА	353
СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ	354
1830	355
ЦИКЛОП	355
* * *	356
ОТВЕТ	357
* * *	358
СОНЕТ	359
К ВЕЛЬМОЖЕ	360
НОВОСЕЛЬЕ	365
* * *	366
ПОЭТУ	367
МАДОНА	368
БЕСЫ	369
ЭЛЕГИЯ	372
ОТВЕТ АНОНИМУ	373
ТРУД	375
ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУА	376
* * *	377
ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ	378
ПРОЩАНИЕ	380
ПАЖ, или ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД	381
* * *	383
* * *	385
РИФМА	386

ОТРОК	387
ЗАКЛИНАНИЕ	388
* * *	390
СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ	392
ГЕРОЙ	393
* * *	397
НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ	400
* * *	401
ОТРЫВОК	403
ИЗ BARRY CORNWALL.	404
* * *	405
МОЯ РОДОСЛОВНАЯ	406
ЦЫГАНЫ	410
* * *	411
ЭПИГРАММА	412
К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ	413
1831	414
* * *	414
КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ	416
БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА	418
ЭХО	422
* * *	423
* * *	425
1832	426
***	426

МАЛЬЧИКУ (ИЗ КАТУЛЛА)	429
В АЛЬБОМ А. О. СМИРНОВОЙ	430
В АЛЬБОМ кж. А. Д. АБАМЕЛЕК	431
ГНЕДИЧУ	432
КРАСАВИЦА	433
К ***	434
В АЛЬБОМ	435
В АЛЬБОМ	436
1833	437
(ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО)	437
(ИЗ АФЕНЕЯ)	439
* * *	440
* * *	441
ВИНО (ИОН ХИОССКИЙ)	442
ГУСАР	443
* * *	449
* * *	451
БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ	453
ВОЕВОДА	456
* * *	459
* * *	460
ОСЕНЬ (ОТРЫВОК)	461
* * *	466
1834	468
* * *	468
* * *	469

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН	470
1. ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ126	474
2. ЯНКО МАРНАВИЧ	479
3. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ134	482
4. ФЕОДОР И ЕЛЕНА	485
5. ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ140	489
6. ГАЙДУК ХРИЗИЧ	491
7. ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА143	494
8. МАРКО ЯКУБОВИЧ	496
9. БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ.	500
10. СОЛОВЕЙ	503
11. ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ.	504
12. ВОЕВОДА МИЛОШ.	506
13. ВУРДАЛАК.	507
14. СЕСТРА И БРАТЬЯ147	508
15. ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ148	513
16. КОНЬ	517
1835	519
(ИЗ АНАКРЕОНА) ОТРЫВОК	519
ОДА LVI (ИЗ АНАКРЕОНА)	520
ОДА LVII	521
* * *	522
ПОЛКОВОДЕЦ	523
ТУЧА	526
ИЗ А. ШЕНЬЕ	527

* * *	528
* * *	534
СТРАННИК	536
I	536
II	536
III	537
IV	538
V	539
* * *	540
* * *	543
НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА.	544
ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИНСКОМУ.	
ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО	547
ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ	549
* * *	550
1836	551
Д. В. ДАВЫДОВУ	551
МИРСКАЯ ВЛАСТЬ	552
(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛИЯНСКОМУ)	553
(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)	554
* * *	555
* * *	556
* * *	558
ХУДОЖНИКУ	560
РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.	561
(ОТРЫВОК ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ	

ПОЭМЫ)	
* * *	566
НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ	569
НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ	570
* * *	571
* * *	572
1823	573
ИЗ ПИСЬМА К В. П. ГОРЧАКОВУ	573
Л. ПУШКИНУ	574
ЧИНОВНИК И ПОЭТ	575
* * *	576
М. Е. ЭЙХФЕЛЬДТ	578
* * *	579
ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ	580
* * *	582
* * *	584
* * *	585
* * *	586
* * *	587
* * *	588
* * *	589
1824	590
КОРАБЛЮ	590
* * *	591
* * *	593
ГРАФУ ОЛИЗАРУ	594

ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ	596
* * *	597
* * *	598
* * *	599
* * *	600
МЛАДЕНЦУ	602
ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ	603
ПОСЛАНИЕ К Л. ПУШКИНУ	604
К САБУРОВУ	606
* * *	607
РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ	608
Гр. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ	609
НА ФОТИЯ	610
* * *	611
* * *	612
* * *	613
1825	614
* * *	614
* * *	615
НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ	616
I	616
II	616
III	617
*	618
*	618
*	618

* * *	620
* * *	621
* * *	622
* * *	623
НАЧАЛО I ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННОИЦЫ»	624
* * *	626
* * *	627
ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ	628
* * *	629
* * *	630
АННЕ Н. ВУЛЬФ	631
* * *	632
* * *	633
* * *	634
КЮХЕЛЬБЕКЕРУ	635
* * *	636
* * *	637
ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ	638
1826	639
ИЗ ПИСЬМА К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ	639
ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO»	640
Ott. 100	640
101	640
102	641
103	641
104	642

105	642
106	643
107	643
108	644
109	644
110	645
111	645
112	646
* * *	647
* * *	648
ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ	650
ИЗ ПИСЬМА К АЛЕКСЕЕВУ	652
* * *	653
* * *	654
* * *	655
НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ	656
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ	
1. РАВНОВЕСИЕ	656
2. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ	656
3. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ	656
4. МСТИТЕЛЬНОСТЬ	657
5. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ	657
6. СИЛА И СЛАБОСТЬ	657
7. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ	658
8. МАРТЫШКА	658
9. ОБЩАЯ СУДЬБА	658

10. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА	659
11. ЗАКОН ПРИРОДЫ	659
Кж. УРУСОВОЙ	660
1827	661
* * *	661
* * *	662
ИЗ ALFIERI	663
* * *	665
* * *	666
В АЛЬБОМ ПАВЛУ ВЯЗЕМСКОМУ	667
РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА	668
* * *	670
ЭПИГРАММА НА ШАЛИКОВА	673
1828	674
* * *	674
ИЗ АЛЬБОМА А. П. КЕРН	675
В. Л. ПУШКИНУ	681
1829	682
ФАЗИЛЬ-ХАНУ	682
* * *	683
НА КАРТИНКИ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»	684
В «НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ»	
1	684
2	684
* * *	686
* * *	687

* * *	688
МЕДОК. (МЕДОК В УАЛЛАХ)	689
* * *	691
* * *	692
* * *	693
* * *	695
* * *	696
* * *	697
* * *	698
1830	699
* * *	699
* * *	700
ДЕЛЬВИГУ	701
* * *	703
* * *	705
* * *	706
* * *	707
* * *	708
* * *	709
* * *	710
* * *	711
1831	712
ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ	712
ИЗ ПИСЬМА К А. О. РОССЕТ	713
* * *	714
* * *	715

1832	716
***	716
1833	717
***	717
***	718
***	719
ПЛЕТНЕВУ	720
***	721
***	722
***	723
***	724
1834	728
***	728
***	729
***	730
НАДПИСЬ К ВОРОТАМ ЕКАТЕРИНГОФА	731
1835	732
***	732
***	734
ПЛЕТНЕВУ	735
***	736
***	737
***	739
***	740
***	741
РОДРИГ	742

* * *	744
* * *	745
* * *	746
* * *	747
* * *	748
* * *	749
* * *	750
1836	751
* * *	751
* * *	752
* * *	753
* * *	754
* * *	756
* * *	757
* * *	758
* * *	759
* * *	760
* * *	761
* * *	762
* * *	763
ИЗ ПИСЬМА К ЯКОВЛЕВУ	764
* * *	765
КАНОН В ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ	766

Александр Сергеевич Пушкин. Стихотворения 1823-1836

1823

ПТИЧКА¹

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

¹ Стихотворение, написанное в чужбине, во время южной ссылки, в новой, камерной форме (ср. пафос «Деревни», 1819) выражает глубоко волновавшую Пушкина мысль о подневольном положении человека. Посылая стихи Н. И. Гнедичу, поэт писал ему 13 мая 1823 г.: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресенье выпускать на волю птичку? Вот вам стихи на это» (см. т. 9). Внимание цензуры было намеренно отвлечено от подлинного политического смысла стихотворения издателем, сопроводившим первую публикацию примечанием: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных, должников и проч.»; («Литературные листки», 1823, э 2).

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

ЦАРСКОЕ СЕЛО²

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,

² Написанное в 1817-1819 гг., стихотворение осталось недоработанным в рабочей тетради Пушкина. Оно заключало в себе после стиха «Я знал поэзию, веселость и покой» черновую запись фрагмента, не нашедшего себе места в тексте стихотворения: Другой пускай поет героев и войну, Я скромно возлюбил живую тишину И, чуждый призраку блистательных славы, Вам, Царского Села прекрасные дубравы, Отныне посвятил безвестный музы друг И песни мирные и сладостный досуг. Оказавшееся спустя несколько лет перед глазами Пушкина старое стихотворение его (петербургская рабочая тетрадь Пушкина была прислана ему братом в Кишинев) отвечало душевному состоянию поэта, находящегося в ссылке. «Нередко при воспоминании о царскосельской своей жизни, – вспоминал кишиневский приятель Пушкина В. П. Горчаков, – Пушкин как бы в действительности переселялся в то общество, где расцвела первоначальная поэтическая жизнь его со всеми ее призраками и очарованием. В эти минуты Пушкин иногда скорбел; и среди этой скорби воля рассудка уступала впечатлению юного сердца» (М. А. Цявловский, Книга воспоминаний о Пушкине, М. 1931, стр. 170). Пушкин стал вносить в текст элегии изменения. Для пейзажа он записал неполных два стиха: хранят венчанные долины И славу прошлых дней, и дух Екатерины. Конец первой строфы он наметил закончить стихами, наполняющими новым содержанием юношескую элегию: Печали тихий друг и глаз очарованье, Явись, тебя зову я в мрачное изгнанье. Однако дальнейшего текста поэт не коснулся.

Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...

Веди, ве́ди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И зланных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Кто, волны, вас остановил,³
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот!
Где ты, гроза – символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

³ Стихотворение отражает тяжелое душевное состояние Пушкина; оно вызвано подавлением войсками Священного союза (союз России, Пруссии и Австрии) революционных движений и торжеством в Европе реакции; однако поэт еще надеется на новые революционные взрывы. Слово свободы в предпоследнем стихе введено редактором: в черновой рукописи, из которой это стихотворение извлекается, в этом месте ошибочно написано вторично символ.

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг -
Давно ли тишины вкусил отрадный миг -
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку – в нас сердца единой страстью полны.
Для неба дального, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалою;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.

⁴ Обращение к неизвестному моряку явилось поводом для нового выражения настроения Пушкина в связи с политической реакционностью Европы обветшалою. Земле противопоставляется океан – как символ свободы. Поэт развивает этот образ в 1824 г. В стихотворении «К морю», а в 1826 г. отказывается от своих иллюзий – в стихотворении «К Вяземскому». Стихотворение известно лишь в черновике, слово берега в стихе 8 в рукописи отсутствует и введено редактором.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, -
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

⁵ Стихотворение является новым художественным воплощением мысли, волновавшей поэта еще в 1817 г. (ср. стихотворение «Безверие» – т. 1). Черновые варианты элегии показывают, что в основе мрачного чувства, владеющего поэтом, лежит все та же политическая неудовлетворенность: Узрел бы я страну восторга, наслаждений, Страну, где нет оков, где нет предрассуждений и дальнейшего исправление: Страну, где нет царей, где нет предрассуждений.

ДЕМОН⁶

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия -
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, -
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, -
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистошмой клеветой

⁶ В образе демона, навещающего поэта, олицетворен скепсис, характерный для Пушкина в тяжелый для него 1823 г. Современники узнавали в демоне сухого и язвительного Александра Николаевича Раевского (1795-1868), с которым во время пребывания на юге поэт был в дружественных отношениях. Пушкин думал выступить в печати с опровержением этого суждения, предполагая дать заметку (под чужим именем), объясняющую идею «Демона» («О стихотворении „Демон“» – см. т. 6).

Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел -
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мне верна: зачем же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонников толпой,
 Зачем для всех казаться хочешь милой,
 И всех дарит надеждою пустой
 Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
 Мною овладев, мне разум омрачив,
 Уверена в любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
 Беседы чужд, один и молчалив,
 Терзаюсь я досадой одинокой;
 Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
 Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
 Твои глаза не следуют за мной.
 Заводит ли красавица другая

⁷ Обращено к Амалии Ризнич (1803?-1825), жене итальянского негоцианта (купца), жившего в Одессе. В мае 1824 г. Амалия Ризнич уехала в Италию, где через год умерла от чахотки. Три раза вспоминал о ней Пушкин в «Евгении Онегине» – в строфе XIV главы третьей, в «Путешествии Онегина» («...красой блистая, негоциантка молодая...») и наконец в не напечатанных поэтом строфах XV и XVI главы шестой (см. т. 4). Ее памяти посвящены стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» и «Для берегов отчизны дальной...».

Двусмысленный со мною разговор -
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

Изыде сеятель сеяти семена своя.⁸

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя⁹ -
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.

⁸ В стихотворении выражено разочарование поэта в действенности политической пропаганды, которая, как он в это время думает, но в состоянии пробудить "мирные народы@". Эпиграф взят из евангелия от Матфея, гл. 13, ст. 3. Оттуда же и образ первых стихов (пустынный – одинокий). «Я... написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа», – писал Пушкин А. И. Тургеневу 1 декабря 1823 г., посылая ему эти стихи (см. т. 9).

⁹ Бросал живительное семя – речь идет о политических стихотворениях и радикальных высказываниях, которыми отмечена жизнь поэта в Петербурге и Кишиневе. Заключительное шестистишие – Паситесь, мирные народы!.. – входило первоначально в черновое стихотворение «Мое беспечное незнание...», а затем распространялось как отдельное стихотворение в списках и не раз доходило до полиции, а позднее и до III отделения.

К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Кн. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ¹⁰

Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замечанный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вняла -
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно! в гордости моей
Я мыслить буду с умилением:
Я славой был обязан ей -
А может быть и вдохновеньем.

¹⁰

Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье...»). Стихотворение обращено к кн. Марии Аркадьевне Голицыной, рожденной кж. Суворовой (1802-1880), внучке великого полководца. Обстоятельства создания этих стихов неизвестны, но можно полагать, что Пушкин встретил девушку, знакомую ему по Петербургу, уже женой и матерью, в Одессе у ее сестры Башмаковой, у которой Пушкин бывал (отсюда Давно и Вновь). Голицына пела и, по-видимому, исполнила какой-то романс на слова Пушкина, может быть своего сочинения.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега -
А время гонит лошадей.

ЖАЛОБА¹¹

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин, -
Таков об вас народный говор,
И дива нет – не вы один.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

¹¹ Жалоба («Ваш дед портной, ваш дядя повар...»). Эпиграмма на Дмитрия Петровича Северина (1791-1865), бывшего участника «Арзамаса», дипломата. Неизменный член свиты Александра I, человек низкопоклонный, чванный и дерзкий, Северин позволил себе сказать посетившему его ссыльному поэту, старому знакомому своему, чтобы он «не ходил к нему; обошелся с ним мерзко, и африканец едва не поколотил его» (слова А. И. Тургенева; см. «Остафьевский архив князей Вяземских», т. II, СПб. 1899, стр. 352). Эта встреча и была поводом к написанию эпиграммы. Ваш дед портной – вероятно, по отцовской линии (отец Северина начал службу с бомбардира и дослужился до больших чинов); ваш дядя повар – по-видимому, родственник Северина по матери, которая была незаконной дочерью бар. А. С. Строгановой и кого-то из слуг этой богатой семьи. Пушкин позднее не раз возвращался к теме чванной придворной знати и аристократии, вышедшей из «низов»; особенно полно раскрыта эта тема в стихотворении «Моя родословная» (1830).

1

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
Владыка севера¹³ один в своем чертоге
Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли, -

¹² «Недвижный страж дремал на царственном пороге...». Одно из самых сильных обличений Пушкиным деятельности и личности Александра I. Написано под впечатлением последнего удара Священного союза по европейским революционным движениям 20-х гг.: при помощи французских войск, введенных в Испанию, в стране было окончательно ликвидировано представительное правление и восстановлен абсолютизм. Риего, вождь испанской революции, поднятой им еще в 1820 г., был предательски казнен 26 октября (7 ноября) 1823 г.

¹³ Владыка севера – Александр I.

2

И делу своему владыка сам дивился.
Се благо, думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От саркосельских лип¹⁴ до башен Гибралтара:
Все молча ждет удара,
Все пало – под ярем склонились все главы.

3

"Свершилось! – молвил он. – Давно ль народы
мира
Паденье славили великого кумира,

.....
.....
.....
.....

¹⁴ Саркосельские липы – деталь пейзажа Царского Села, резиденции Александра I. Паденье... великого кумира – вероятно, отречение Наполеона от престола 22 июня 1815 г. Четыре строки многоточия в белой рукописи Пушкина обозначают четыре стиха, очевидно изображавшие реакцию в Европе и настолько нецензурные в политическом отношении, что поэт не решился доверить их даже своей тетради.

4

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия¹⁵ кипела,
Шаталась Австрия¹⁶, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода¹⁷,

¹⁵ Надеждой новою Германия кипела – речь идет о прогрессивном движении университетской молодежи в Германии (повсеместные объединения студентов – «буршеншафты»), проявившемся в убийстве агента русского самодержавия Коцебу студентом Карлом Зандом (см. примечание к эпиграмме «На Стурдзу» – «Холоп венчанного солдата...» – т. 1).

¹⁶ Шаталась Австрия – после франкфуртского сейма Германского союза, когда представители мелких государств оказали сопротивление притязаниям Австрии на безусловное господство в сейме, Австрия оказалась в меньшинстве и потеряла возможность проводить свою реакционную политику. Неаполь восставал – в начале 1820 г. тайное общество карбонариев, борцов за свободу и национальную независимость Италии, воодушевленное известием о революционных событиях в Испании, подняло революцию в Неаполе. Были достигнуты некоторые успехи: в Сицилии введена конституция (Неаполь входил в королевство обеих Сицилий). Однако австрийский экзекуционный корпус, посланный в Италию по решению Священного союза, вступил 12/24 марта 1821 г. в Неаполь, где, как и на острове Сицилия, был восстановлен старый порядок.

¹⁷ За Пиренеями давно ль судьбой народа // Уж правила свобода – речь идет об испанской революции, в результате которой страной

И самовластие лишь север укрывал?¹⁸

5

Давно ль – и где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу -
Вот Кесарь – где же Брут?¹⁹ О грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу".

6

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих, и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царственный порог вперил, смутясь, он очи -
Раздался бой полночи -

правили кортесы (палаты депутатов); президентом кортесов был вождь революции Риего (см. выше)

¹⁸ И самовластие лишь север укрывал. – Имеется в виду Россия.

¹⁹ Вот Кесарь – где же Брут? – Александр I говорит, что ему не грозит участь Цезаря, убитого Брутом, одним из его ближайших соратников.

И се внезапный гость в чертог царя предстал²⁰.

7

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца²¹,

²⁰ Раздался бой полночи // И се внезапный гость в чертог царя предстал. – Картина посмертного явления Наполеона, восстающего в полночь, отражает легенду, создавшуюся после пленения и смерти французского императора. Легенда эта встречается в ряде произведений европейской поэзии. Это – причастная к легенде баллада Генриха Гейне («Die Grenadiere»), опубликованная в 1821 г. и переведенная в 1845 г. М. Л. Михайловым («Гренадеры»), баллада австрийского поэта И.-Х. Цедлица (1790-1862) «Die nächtliche Heerschau» (1830), переведенная в 1836 г. Жуковским («Ночной смотр»), и другая баллада того же Цедлица «Das Geisterschiff» («Корабль призраков», 1828), свободно переложенная в 1840 г. Лермонтовым («Воздушный корабль»). Разные сюжетные повороты этих баллад объединяются появлением тени Наполеона в полночь. Впервые эта деталь появляется у Пушкина (у Гейне она отсутствует).

²¹ Мятежной вольности наследник и убийца. – Наполеон Бонапарт выдвинулся после революции 1789 г.: он разбил контрреволюционное восстание в Тулоне (1793) и затем ликвидировал монархический мятеж в Париже против Конвента 13 вандемьера (5 октября 1795 г.). 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) Наполеон захватил власть, назвал себя первым консулом и стал неограниченным диктатором Франции;

Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

8

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

9

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здоровья и мужества и мощи,
Владыке полунощи
Владыка запада, грозящий, предстоял.

2 декабря 1804 г. Наполеон был провозглашен императором. Поэт угрожает упоенному своим торжеством царю призраком умершего врага, вспоминая незабываемые для Александра победы Наполеона. Стихотворение не дописано. Что должен был говорить Александру призрак Наполеона – остается неизвестным.

10

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русской в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором,
И с миром, и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

* * *

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду -
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

ДАВЫДОВУ

Нельзя, мой толстый Аристип:²²
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
Немного тощей Энеиды²³

²² Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристип...»). Обращено к Александру Львовичу Давыдову (1773-1833), старшему брату декабриста В. Л. Давыдова (см. послание В. Л. Давыдову, 1821, т. 1), мужу Аглаи Давыдовой (см. «Кокетке», т. 1). Помещик села Каменки Киевской губ., где не раз гостил Пушкин, А. Л. Давыдов был равнодушен к политическим интересам собиравшихся в Каменке декабристов. Пушкин изобразил А. Л. Давыдова незадолго до послания в строках о «рогоносце величавом...» в «Евгении Онегине» (гл. первая, строфа XIV), а позднее нарисовал его портрет («второй Фальстаф») в заметке «Лица, созданные Шекспиром...» в «Table-talk» (см. т. 6). Повод написания стихотворения указан самим поэтом в подзаголовке при первой публикации: «На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма». Аристип – греческий философ (V в. до н. э.), учивший, что счастье заключается в наслаждении.

²³ Чахоточный отец немного тощей Энеиды – Вергилий (70-19 гг. до н. э.). Пускался в море наконец – после нескольких лет работы над

Пускался в море наконец,
Ему Гораций²⁴, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу;
Ты не в чахотке, славу богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

«Энеидой» в Италии Вергилий отправился в Грецию и Азию, чтобы изучить место действия своей поэмы.

²⁴ Гораций – крупнейший римский поэт (65-8 гг. до н. э.), в некоторых своих стихотворениях прославлял императора Августа (Августов венец), написал оду «К кораблю, везущему в Афины Вергилия».

ПРОЗЕРПИНА²⁵

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла – и колесница
Уж к аиду их несет;
Мчатся, облаком одеты;

²⁵ Прозерпина. В автографах стихотворение имеет подзаголовок «Подражание Парни». Имеется в виду XVII картина его «*Deguisements de Venus*» («Превращений Венеры»), вольным переводом которой «Прозерпина» и является. «„Прозерпина“ не стихи, а музыка, – писал Дельвиг Пушкину, получив от него это произведение, – это пенье райской птички, которое слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет» (см. Акад. изд. Собр. соч. Пушкина, т. XIII, стр. 107).

Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит, и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ

Здравствуй, Вульф²⁶, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон²⁷, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? – бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо – жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же – то смертельно пьяны
То мертвецки влюблены.

²⁶ Вульф Алексей Николаевич (1805-1881) – сын от первого брака соседки Пушкина, помещицы села Тригорского П. А. Осиповой. Когда Пушкин в августе 1824 г. приехал из Одессы в Михайловское, Вульф был на летних вакациях в Тригорском, где поэт и подружился с ним. Письмо написано в Дерпт, где Вульф учился в университете вместе с поэтом Языковым.

²⁷ Лайон – английская форма имени брата Пушкина, Льва (1805-1852).

К ЯЗЫКОВУ²⁸

(Михайловское, 1824)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:

²⁸ К Языкову («Издревле сладостный союз...»), Языков Николай Михайлович (1803-1846) – поэт, в это время – студент Дерптского университета. Это первое обращение Пушкина к молодому поэту, о котором он еще в конце 1823 г. писал Дельвигу: «Разделяю твои надежды на Языкова». Знал он его и по рассказам Вульфа (см. предыдущее прим.). На послание Пушкина Языков ответил стихами «А. С. Пушкину» («Не вовсе чужа бога света...»).

Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю где проснусь. -
Всегда гоним, теперь в изгнание
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец²⁹,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодomeц,
Скрывался прадед мой арап³⁰,
Где, позабыв Елисаветы³¹
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, -
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе³²,

²⁹ Петра питомец – Ибрагим (Абрам Петрович) Ганнибал (1697? – 1781), прадед Пушкина, вывезенный из Абиссинии.

³⁰ Скрывался прадед мой арап. – Имение «Михайловская губа» было пожаловано Ганнибалу грамотой имп. Елизаветы Петровны 12 января 1746 г., после пятнадцатилетней опалы его, кончившейся с воцарением Елизаветы.

³¹ Где позабыв Елизаветы // И двор и пышные обеты... // Он думал в охлажденны леты... – когда жил Ганнибал в Михайловском, точно неизвестно.

³² Брат по крови, по душе – Л. С. Пушкин, с которым поэт был в эту

Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг все для нас оставит.
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ³³

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко?
Нельзя ль узнать?

³³ Разговор книгопродавца с поэтом. Стихотворение, написанное 26 сентября 1824 г., вскоре по приезде в Михайловское, появилось в печати в качестве предисловия к первой главе «Евгения Онегина». В стихотворении в поэтической форме выражена мысль, высказанная Пушкиным особенно отчетливо в письме к Казначееву от июня 1824 г. (см. т. 9).

Поэт

Я был далеко:

Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.

Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.

Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!..
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.

Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова

И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы молодой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья³⁴;
Жуковский то же говорил³⁵;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;

³⁴ Лорд Байрон был того же мненья – мысль о суетности славы многократно встречается у Байрона, особенно сильно выражена она в «Дон-Жуане» (строфа 218 песни первой): В чем слава? В том, чтоб именем своим Столбцы газет заполнить поплотнее. Что слава? Просто холм, а мы спешим Добраться до вершины поскорее. Мы пишем, поучаем, говорим, Ломаем копыя и ломаем шеи, Чтоб после смерти нашей помнил свет Фамилию и плохонький портрет! (Перевод Т. Гнедич)

³⁵ Жуковский то же говорил – в следующих словах из «Светланы»: Слава, нас учили – дым; Свет – судья лукавый.

Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пушай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется

Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображение:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идиолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту

Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой!.. душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?

.....
И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!..
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:

Земных восторгов излишня,
Как божеству, не нужно ей!..

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возражение;
Но вас я знаю, господа:

Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображение;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновение,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь – от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
Условимся.

К МОРЮ³⁶

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!

³⁶ К морю. Прощание с морем связано с отъездом Пушкина из Одессы, где он прожил год, в новую ссылку – в Михайловское. В Одессе написана первоначальная редакция, в Михайловском – строфы о Наполеоне и о Байроне. Центральная по значению тринадцатая строфа не могла появиться в печати при жизни Пушкина. В 1825 г. она была напечатана в следующем виде: Мир опустел... За этой строкой следовал пропуск, соответствующий трем строкам, а под текстом дано лукавое примечание: «В сем месте автор поставил три с половиною строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено кн. П.А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оно, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. Издатели». Два месяца спустя, в первом сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб. 1826), эта строфа появилась уже в несколько расширенном виде: Мир опустел... Теперь куда же Меня б ты вынес, океан?.....

Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбаей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег³⁷,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован³⁸,
У берегов остался я...

³⁷ Не удалось навек оставить // Мне скучный, неподвижный брег – Пушкин замышлял бегство из Одессы морем в Европу.

³⁸ Могучей страстью очарован – имеется в виду чувство к гр. Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (1790-1880).

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...³⁹
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений⁴⁰,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,

³⁹ Одна скала, гробница славы – остров св. Елены, где с 1815 г. Находился в заключении Наполеон и где он умер в 1821.

⁴⁰ Другой от нас умчался гений... // Исчез, оплаканный свободой – Байрон умер 7/19 апреля 1824 г. в Греции, куда он приехал летом 1823 г. для участия в национально-освободительной борьбе греков.

Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран⁴¹.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

⁴¹ Где капля блага, там на страже // Уж просвещение иль тиран. – Сближение просвещения и тирании как отрицательных явлений отражает свойственное романтикам представление о губительности цивилизации для морали, для блага человека.

КОВАРНСТЬ⁴²

Когда твой друг на глас твоих речей
Отвечает язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, -
Не говори: "Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою";
Не говори: "Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон"...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображение
И гордую забаву находил

⁴² Коварность. Поводом к написанию стихотворения был вероломный поступок А. Н. Раевского. Узнав от Пушкина о его любви к Е. К. Воронцовой, заметив ее увлечение Пушкиным, Раевский, сам влюбленный в нее, сообщил об этом Воронцову, что, по предположению самого Пушкина, явилось причиной высылки его из Одессы в Михайловское.

В его тоске, рыданиях, унижение;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Все тайное своим печальным взором, -
Тогда ступай, не трать пустых речей -
Ты осужден последним приговором.

О дева-роза, я в оковах⁴³;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

⁴³ «О дева-роза, я в оковах...». Напечатано Пушкиным в сборнике стихотворений среди произведений 1820 г., потому что связано с южными впечатлениями поэта. Черновик стихотворения находится, однако, в тетради, в которой Пушкин писал в Михайловском, среди текстов, датированных второй половиной октября 1824 г. При первой публикации имело заглавие «Подражание турецкой песне». Указание это сделано для отвода сопоставлений с личными чувствами поэта.

Туманский прав, когда так верно вас⁴⁴
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы, как она, для глаз
И как она прегрешивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшей весной:
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
Мне нравится – я рад ему сердечно:
Да, чисты вы, как он, и сердцем и умом,
И холодней его конечно.
Сравненья прочие не столько хороши;
Поэт не виноват – сравненья неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,

⁴⁴ «Туманский прав, когда так верно вас...». Фамилия, с которой начинается первый стих, обозначена в автографе одной буквой Т (других источников текста стихотворения нет). Среди окружения Пушкина в это время единственный известный нам поэт, фамилия которого начинается с буквы Т, – Василий Иванович Туманский (1802-1860), служивший в канцелярии Воронцова и общавшийся с Пушкиным. Среди опубликованных стихотворений Туманского нет того, о котором говорит Пушкин. Но образы – радуга, роза, – в применении к женщине, в его поэзии есть. К кому обращено стихотворение Пушкина, неизвестно.

К несчастью, бесподобны.

ВИНОГРАД⁴⁵

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

⁴⁵ Виноград. Публикуя стихотворение, Пушкин датировал его 1820 г., временем южной ссылки. Однако черновик стихотворения находится в тетради, в которой Пушкин писал в Михайловском, среди текстов, датируемых ноябрем 1824.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА⁴⁶

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:⁴⁷
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

⁴⁶ Фонтану Бахчисарайского дворца. При публикации стихотворения Пушкин датировал его 1820 г., по положению чернового текста в тетради 1824 г. заставляет отнести создание стихотворения к этому времени. Размышляя о поэме «Бахчисарайский фонтан», созданной в 1821-1823 гг., поэт вспоминает о посещении фонтана в Бахчисарае в 1820 г

⁴⁷ И я твой мрамор вопрошал: // Хвалу стране прочел я дальней – на фонтане Бахчисарайского дворца (как на всех восточных фонтанах) имеется надпись.

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

⁴⁸ «Ночной зефир...». Напечатано впервые под заглавием «Испанский романс» в альманахе «Литературный музей на 1827 год», к которому приложены и ноты романса – музыка А. Н. Верстовского.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

⁴⁹ Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...". Стихотворение вызвано воспоминаниями, связанными с чувством к Е. К. Воронцовой. Автографа не сохранилось, поэтому нельзя сказать, был ли какой-нибудь текст в строках, обозначенных в печати многоточием. Но можно допустить, что эти строки должны выразить лирическое волнение, заставляющее поэта замолкнуть (именно это выражено в последнем, оборванном на полуслове, стихе). Такой поэтический прием был совершенно новым в поэзии того времени.

.....

.....

.....

Никто ее любви небесной не достоин.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;

.....

Но если

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ⁵⁰

ПОСВЯЩЕНО П. А. ОСИПОВОЙ.

I⁵¹,

Клянусь четой и нечетой⁵²

⁵⁰ «Нечестивые, пишет Магомет (глава Награды), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

⁵¹ Подражания Корану. Цикл «Подражаний Корану» написан в духе магометанской священной книги «Коран», из разных сур (глав) которой в «Подражаниях» имеются многочисленные свободные заимствования. Многие образы цикла имеют автобиографическое значение. Вместо Магомета – пророка Ислама, к которому обращен Коран, в «Подражаниях Корану» выступает пророк – поэт. Здесь впервые в поэзии Пушкина возник этот образ. Посвящение цикла Прасковье Александровне Осиповой, соседке по имению, владелице Тригорского, объясняется тем, что у нее нашел Пушкин «сень успокоенья», когда он принужден был уехать из Михайловского после ссоры с отцом (С. Л. Пушкин взял на себя перлюстрацию переписки сына. См. письма к Жуковскому от 31 октября 1824 г. и к брату Льву от начала ноября 1824 г. – «Я в Михайловском редко»).

⁵² «Клянусь четой и не четой...». – Центральные образы стихотворения – «зоркое гоненье», «могучая власть» языка «над умами», отсутствуют

Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:⁵³

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О, жены чистые пророка,

в Коране.

⁵³ В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелью и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В паренье дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых⁵⁴.

III

Смутясь, нахмурился пророк,

⁵⁴ «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

Слепца послышав приближение:⁵⁵
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его – по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,

⁵⁵ Из книги Слепец.

И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

V

Земля недвижна – неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой⁵⁶.

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

⁵⁶ Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

VI

Не даром вы приснились мне⁵⁷
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем

⁵⁷ «Недаром вы приснились мне...». — Здесь поэт изображает, по-видимому, ожидаемую им победу его единомышленников, будущих декабристов.

И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!

Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжання,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, -
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут – господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:⁵⁸
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжело язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы -
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

⁵⁸ И путник усталый на бога роптал...". – Смысл этого «подражания» в преодолении пессимистического начала, характерного для лирики Пушкина 1823 г. и начала 1824 г.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: "О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей".

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

* * *

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь – может быть,
Эта новая Диана
Притаила нежну страсть -
И стыдливými глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
 На девственных устах улыбка замирает.
 Давно твоей иглой узоры и цветы
 Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
 Грустить. О, я знаток в девической печали;
 Давно глаза мои в душе твоей читали.
 Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
 Девицы нежные, любовь волнует вас.
 Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
 Красавец молодой с очами голубыми,
 С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
 Но знаю, знаю все; и если захочу,
 То назову его. Не он ли вечно бродит
 Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
 Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
 И долго вслед за ним незримая глядишь.
 Никто на празднике блистательного мая,
 Меж колесницами роскошными летая,
 Никто из юношей свободней и смелей
 Не властвует конем по прихоти своей.

ЧААДАЕВУ⁶⁰

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:

⁶⁰ Чаадаеву («К чему холодные сомненья?..»). Положение черновика среди рукописей 1824 г., а также непосредственная связь стихотворения с книгой И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде» (1823), которую Пушкин прочел «с жадностью» (см. черновой текст «Отрывка из письма к Д.», то есть к Дельвигу – от середины декабря 1824 г.), опровергают пушкинские слова в «Отрывке из письма к Д.», что стихотворение написано в Крыму в 1820 г. Первая часть стихотворения – размышление над развалинами храма Артемиды, который, по преданию, находился у мыса Георгиевского монастыря на южном берегу Крыма (в достоверности этого предания сомневался автор «Путешествия по Тавриде»). С храмом Артемиды связан древнегреческий миф об Оресте, брате Ифигении, жрицы Артемиды в Крыму. Для избавления от преследований богинь мщения Эвменид Орест должен был похитить статую Артемиды из Тавриды (древнегреческое название Крыма). Он отправляется туда со своим другом Пиладом. Царь Тавриды, захватив Ореста, обрекает его в жертву Артемиде. Но Пилад, желая спасти друга, выдает себя за Ореста. Орест отказывается от спасения такую цену. После этого великодушного спора Ифигения узнает брата, спасает его и бежит с ним в Грецию. От дружбы Ореста и Пилада поэт обращается к своей дружбе с Чаадаевым.

Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданием возгордилось.

.....

Чадаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое⁶¹
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиление вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

⁶¹ Я мыслил имя роковое // Предать развалинам иным – напоминание о стихах: «И на обломках самовластья // Напишут наши имена» («К Чаадаеву» – «Любви, надежды, тихой славы...»; см. т. 1).

АКВИЛОН⁶²

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой -
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

⁶² Аквилон. Пушкин датировал стихотворение в единственном сохранившемся автографе (в 1830 г.) и в печати (в 1837 г.) 1824 годом. Однако нет сомнения в том, что за образами природы в «Аквилоне», подобно тому как это было в стихотворении «Арион», стоят современные события и едва ли стихотворение могло быть написано до восстания 14 декабря 1825 г.

* * *

Пускай увенчанный любовью красоты⁶³
В заветном золоте⁶⁴ хранит ее черты
И письма тайные, награда долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной -
Не лечит ран любви безумной, безнадежной

⁶³ «Пускай увенчанный любовью красоты...». Вызвано воспоминанием о Е. К. Воронцовой.

⁶⁴ Заветное золото – вероятно, медальон с ее портретом.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗОРУ⁶⁵

На скользком поприще Тимковского⁶⁶ наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь -
Но извини меня: мне было невтерпеж.
Теперь в моей глуши журналы раздирая,
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души, и смелостью ума.
Как изумилась поэзия сама,

⁶⁵ Второе послание к цензору. Обращено к А. С. Бирукову, как и первое «Послание цензору» (см. т. 1), о котором говорится во вступительных стихах (Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно). Бируков был цензором в 1821-1826 гг.; его деятельность Пушкин назвал «самовластной расправой трусливого дурака».

⁶⁶ Тимковский, Иван Осипович (1768-1837) – петербургский цензор в 1804-1821 гг., не разрешивший стихотворения Пушкина «Русалка», но разрешивший семнадцать его стихотворений в 1817-1820 гг., а также «Руслана и Людмилу».

Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова божественный, небесный⁶⁷,
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж господу Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменяло
И нрава твоего кичливость умирало?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою⁶⁸,
Но, подразнив тебя, я перемены сей
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал⁶⁹,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года⁷⁰;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,

⁶⁷ Заветные слова божественный, небесный – имеется в виду запрещение цензором Л. И. Красовским стиха «Улыбку уст твоих небесную ловить» (в стихотворении Олина «Стансы к Элизе») и эпитета «божественные» в применении к гурьям.

⁶⁸ Жалобу мою – «Послание цензору».

⁶⁹ Министра честного нам добрый царь избрал, // Шишков наук уже правленье восприял – 15 мая 1824 г. министром народного просвещения был назначен А. С. Шишков.

⁷⁰ Он славен славою двенадцатого года – Шишков писал во время Отечественной войны 1812 г. все манифесты, подписанные царем.

Их, незамеченных, созвал, соединил⁷¹;
Осиротелого венца Екатерины⁷²
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец⁷³,
Омара да Гали прияв за образец⁷⁴,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещение.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша⁷⁵,
И помогал ему Магницкий⁷⁶ благородный,

⁷¹ Он русских муз любил, // Их, незамеченных, созвал, соединил – речь идет об организации Шишковым «Беседы любителей русского слова». (Изменение отношения к Шишкову объяснено самим Пушкиным в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. – см. т. 9.).

⁷² Венца Екатерины... лавр единый – Державин.

⁷³ Святой отец – предыдущий министр народного просвещения и министр духовных дел, кн. Александр Николаевич Голицын (1773-1844), известный своим мистицизмом и ханжеством.

⁷⁴ Омар – Омар ибн Хаттаб, второй мусульманский халиф, взявший штурмом Александрию (642 г.) и, по преданию, сжегший ее ценнейшую библиотеку. Гали – Али бен-Аби Талеб (602-661), четвертый халиф. Прияв за образец – имеется в виду сожжение в 1821 г. труда лицейского учителя Пушкина, профессора Петербургского университета А. П. Куницына, «Право естественное», СПб. 1818-1820.

⁷⁵ Спасая Бантыша – см. ниже прим. к эпиграмме «Вот Хвостовой покровитель...».

⁷⁶ Магницкий, Михаил Леонтьевич (1778-1855) – один из самых ярых реакционеров александровского времени, в качестве попечителя учебного округа (в 1819-1826 гг.) разгромивший Казанский университет за «безбожное направление».

Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин⁷⁷-дурачок,
Креститель Галича⁷⁸, Магницкого дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещения.
Я с переменою несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но, сам не зная как, ты, видно, устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб все законные преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.

⁷⁷ Кавелин, Дмитрий Александрович (1778-1851), в качестве директора Петербургского университета (1819-1823) проявил себя как злейший обскурант; моим назван, вероятно, потому, что был в свое время членом «Арзамаса».

⁷⁸ Креститель Галича – возбуждив в 1821 г. дело против ряда профессоров Петербургского университета, в том числе против А. И. Галича (лицейского профессора Пушкина), за его атеизм и дискредитирование власти в лекциях, а также за книгу «История философских систем», Кавелин вынудил Галича признать свое учение «ложным и вредным», повел его в церковь, где священник читал над ним молитву и кропил его святой водой.

Права свои храни по долгу своему.
Но скромной истине, но мирному уму
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

* * *

Тимковский царствовал⁷⁹ – и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

⁷⁹ «Тимковский царствовал – и все твердили вслух...». Эпиграмма на трех цензоров (см. прим. к стих. «Второе послание к цензору»).

* * *

Полу-милорд, полу-купец⁸⁰,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

⁸⁰ «Полу-милорд, полу-купец...». Эпиграмма на новороссийского генерал-губернатора гр. Михаила Семеновича Воронцова (1782-1856), в канцелярии которого Пушкин служил в 1823-1824 гг. Взаимоотношения их были враждебными и кончились высылкой Пушкина из Одессы в Михайловское. Полу-милорд – намек на английское воспитание Воронцова (он был сыном русского посла в Лондоне) и на его англomанию. Полу-купец – Воронцов был материально заинтересован в операциях Одесского порта.

* * *

Певец-Давид был ростом мал⁸¹,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, побожусь, не ниже графа.

⁸¹ «Певец Давид был ростом мал...». В эпиграмме проводится аналогия между нравственной борьбой Пушкина с его начальником и физической борьбой юного музыканта Давида с великаном Голиафом (библия). Два последних стиха написаны настолько неясно, что чтение их предположительно.

Не знаю где, но не у нас⁸²,
 Достопочтенный лорд Мидас,
 С душой посредственной и низкой, -
 Чтоб не упасть дорогой склизкой,
 Ползком прополз в известный чин
 И стал известный господин.
 Еще два слова об Мидасе:
 Он не хранил в своем запасе
 Глубоких замыслов и дум;
 Имел он не блестящий ум,
 Душой не слишком был отважен;
 Зато был сух, учтив и важен.
 Лъстецы героя моего,
 Не зная, как хвалить его,
 Провозгласить решились тонким...

⁸² «Не знаю где, но не у нас...». Эпиграмма на М. С. Воронцова, напечатанная в «Северных цветах» на 1823 г. в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (см. т. 6). Последний стих был напечатан так: Провозгласить решились тонким, и пр. По-видимому, окончание стихотворения (не дошедшее до нас) делало явным, кого назвал поэт лордом Мидасом. Смысл обозначения и пр. – обращение к памяти того широкого круга лиц, которые знали стихотворение изустно. Написано между 1824 и 1827 гг., вероятно в 1824 г. Первый стих – отклик на аналогичное выражение в эпиграмме Вяземского (1821 г.). Сбираясь в путь, глупец почетный (Не знаю где, у нас иль нет)... Этим оборотом подчеркивалось: именно у нас.

Вот Хвостовой покровитель⁸³,
 Вот холопская душа,
 Просвещения губитель,
 Покровитель Бантыша!
 Напирайте, бога ради,
 На него со всех сторон!
 Не попробовать ли сзади?
 Там всего слабее он.

⁸³ «Вот Хвостовой покровитель...». Эпиграмма на кн. А. Н. Голицына (см. выше прим. к стих. «Второе послание к цензору»). Общепринятую датировку эпиграммы – 1817-1820 – следует заменить – летом 1824 г.: она написана в связи со скандальной историей отставки Голицына. Чтобы добиться падения министра, близкого к Александру I, объединились Аракчеев, митрополит Серафим, архимандрит Фотий и Магницкий (Напирайте бога ради // На него со всех сторон!). Они не пренебрегли доносом и на противоестественные свойства Голицына и В. Н. Бантыша-Каменского (1778-1829), за что последний высылался в 1823 г. из Петербурга; Голицын выступил с защитой Бантыша (покровитель Бантыша). Хвостова, Александра Петровна (1765-1853), находившаяся в дружбе с Голицыным – член мистического общества, была в 1823 г. удалена из Петербурга за организацию собраний изуверской секты хлыстовского типа.

Охотник до журнальной драки⁸⁴,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.

⁸⁴ «Охотник до журнальной драки...». Эпиграмма на автора статьи «Второй разговор между классиком и издателем „Бахчисарайского фонтана“» («Вестник Европы», 1824, э 5). Статья была подписана буквой N, за которой скрывался М. А. Дмитриев. Полагая, что автором ее является редактор «Вестника Европы» Каченовский, Пушкин метил в своего старого врага. Статья М. А. Дмитриева была вызвана анонимной статьей Вяземского «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», помещенной им «Вместо предисловия» в издании «Бахчисарайского фонтана» 1824 г.

* * *

Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах – бог обедов,
В своих садах – он бог садов.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО⁸⁵

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внимлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуто!.. вспыхнули! пылают – легкий дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатление,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,

⁸⁵ Сожженное письмо. «Сестра поэта, О. С. Павлицева, говорила нам, – писал П. В. Анненков, – что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, – последний запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе» («Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху», 1874, стр. 283). Речь шла о письмах Воронцовой, запечатанных таким же перстнем, как и перстень-талисман Пушкина, подаренный ему Воронцовой.

Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

* * *

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетаёт
Их легкая душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

ОДА ЕГО СΙΑТ. ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ⁸⁶

Султан⁸⁷ ярится⁸⁸. Кровь Эллады
И резвоскачет⁸⁹, и кипит.

⁸⁶ Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову. Пародия на оды самого Хвостова, Петрова, Дмитриева, направленная главным образом против архаических форм в стихах молодых поэтов – Кюхельбекера, Рылеева. В «Оде» воспроизведен литературный стиль одописцев; славянизмы наряду с просторечием, риторическая выпренность выражений, архаический словарь, авторские примечания к стихотворениям. Намеренная пародия на оду Хвостова «На смерть Байрона», Пушкин иронически приглашает Хвостова заменить Байрона, умершего в Греции деятелем национально-освободительной борьбы греков против турецкого владычества (см. прим. к стих. «К морю»). Кровь... резвоскачет – выражение из стихотворения Кюхельбекера «Грибоедову», только что напечатанного в «Московском телеграфе» (1825, э I): «И резвоскающая кровь». Пит – Вильям Питт (Младший) (1759-1806), английский государственный деятель, известный жестоким подавлением мятежа в Ирландии (1798). Просторечие Где от крови земля промокла и рифма промокла – Фемистокла – пародия на выражение Рылеева «Давно от слез и крови взмокла // Эллада среди святой борьбы» и на его рифму «взмокла – Фемистокла» (в стихотворении «На смерть Байрона», тогда еще не напечатанном).

⁸⁷ Султан – Махмуд II (1785-1839).

⁸⁸ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

⁸⁹ Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

Открылись грекам древни клады⁹⁰,
Трепещет в Стиксе лютый Пит⁹¹.
И се – летит продерзко судно
И мечет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный⁹²,
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд – граф ты! Поэты оба!

⁹⁰ Под словом клады должно разуместь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁹¹ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник Свободы

⁹² Горячка.

Се, мнится, явно сходство есть. -
Никак! Ты с верною супругой⁹³
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви – и наконец
Глубок он, но единообразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый Пиита,
В восторге новом воспою
Во след Пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу⁹⁴,
И да блюдут твой мирный сон⁹⁵

⁹³ Графиня Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. в оде «Заздравный кубок»).

⁹⁴ Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. ХвостоваК тебе я руки простиралУже из отческа кущи,Взирая на суда бегущи

⁹⁵ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже Великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун умирляет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспослет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лжепророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здоровье его; Псиша, в образе Иполита Богдановича, ему

Нептун, Плутон, Зевс, Цитеря,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует
возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон
веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пииты

КОЗЛОВУ⁹⁶

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

⁹⁶ Козлову («Певец! когда перед тобой...»). Козлов, Иван Иванович (1779-1840), поэт, начал писать стихи лишь на сорок третьем году жизни, после того как ослеп. Печатаемая стихотворение, Пушкин сопровождал его (в оглавлении) подзаголовком: «По получении от него „Чернеца“» («Чернец» – поэма Козлова). Козлов благодарил Пушкина за послание восторженным письмом, в котором писал: «Не мой слабый талант, но восхищение перед вашим дарованием и искренняя привязанность, которую я к вам питаю, оправдывают первое полустихие 7-го стиха; еще раз спасибо, большое спасибо; оно тронуло меня до глубины души!» (См. Акад. изд. Собр. соч. Пушкина, т. XIII, стр. 176 и 536.)

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды -
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ⁹⁷

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, -
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета⁹⁸, все на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,

⁹⁷ Желание славы. Стихотворение обращено к Е. К. Воронцовой.

⁹⁸ Слезы, муки, измены, клевета — см. выше прим. к стих. «Коварность».

И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

П. А. ОСИПОВОЙ⁹⁹

Быть может, уж недолго мне
В изгнание мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

⁹⁹ П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...»). Написано в связи с планами бегства за границу, которые Пушкин уже давно обдумывал.

Храни меня, мой талисман¹⁰⁰,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, -
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.

Прощай, надежда; спи, желание;
Храни меня, мой талисман

Андрея Шенье первоначально был эпиграфом к тетради лирических стихотворений, в которой поэт писал в ссылке. Стихи Гордись и радуйся, поэт до Кинжал и деву-эмениду намекают на стихотворения «Вольность»; и «Кинжал», политические эпиграммы. Стихи ...а ты, свирепый зверь до Разбудит утомленный рок были обращены, в сущности, к Александру I. Поэт писал 13 июля 1825 г. Вяземскому: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди обо мне, как иезуит – по намерению» (см. т. 9). После смерти Александра I, 4-6 декабря 1825 г., он писал Плетневу: «Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc.» (см. т. 9). Первые три строфы – посвящение стихотворения Н. Н. Раевскому (младшему), о чем сам поэт писал Плетневу около 19 июля 1825 г. (см. т. 9).

1) В зале для игры в мяч (франц.). Имеется в виду клятва депутатов французского Национального собрания от третьего сословия – сопротивляться деспотизму короля.

2) Идите, скажите своему господину, и т. д. (франц.). Начало известного ответа Мирабо 23 июня 1789 г. церемониймейстеру короля на его предложение очистить «зал для игры в мяч»: «Идите, скажите своему господину, что мы находимся здесь по воле народа и что изгнать нас можно только штыками».

1) Как последний луч, как последнее веяние ветра Оживляет вечер прекрасного дня, Так у подножья эшафота я еще пробую свою лиру. (См. Последние стихи Андрея Шенье) (франц.).

2) Авель, милый наперсник моих юношеских тайн (Элегия I) (франц.).

3) Фанни, одна из любовниц Андрея Шенье. См. оды, к ней обращенные (франц.).

4) См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи) (франц.).

5) См. его ямбы. Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. – Известно, что король испрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье, (А. де ла Туш) (франц.).

6) В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была – для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их разговора и последнего восхищения был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену Андромахи. (А. де ла Туш) (франц.).

7) все же здесь у меня кое-что было (франц.).

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ¹⁰¹

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ.

*Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...*

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внимлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.¹⁰²

¹⁰² Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyre Anime le soir d'un

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

"Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;

Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: Блаженство!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, – не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой:
Но ты придешь опять со мщением и славой, -
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так – он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою голову подымет за власы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах

Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни¹⁰³,
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозревший гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;

¹⁰³ У Авеля, у Фанни. Abel, doux confident des mes jeunes mysteres (El. I): один из друзей А. Ш. Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressees.

Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упыюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и Узница моя¹⁰⁴,
Уныла и бледна, стихам любви внимая..."

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Все вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

"Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспаясь,

¹⁰⁴ И Узница моя. V. La jeune Captive (M-Ile de Coigny).

Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гнев;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставляю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил

Совет правителей бесславных;¹⁰⁵

Твой бич настигнул их, казнил

Сих палачей самодержавных;

Твой стих свистал по их главам;

Ты звал на них, ты славил Немезиду;

Ты пел Маратовым жрецам

Кинжал и деву-эвмениду!

Когда святой старик от плахи отрывал

Венчанную главу рукой оцепенелой,

Ты смело им обоим руку дал,

И перед вами трепетал

Ареопаг остервенелый.

Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,

Моей главой играй теперь:

Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И час придет... и он уж недалек:

Падешь, тиран! Негодование

Воспрянет наконец. Отечества рыданье

Разбудит утомленный рок.

Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;

¹⁰⁵ Voyez ses iambes. Chenier avait merite la haine des factieux. Il avait celebre Charlotte Corday, fletri Collot d'Herbois, attaque Robespierre. – On sait que le roi avait demande a l'Assemblee, par une lettre pleine de calme et de dignite, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signee dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'Andre Chenier. (H. de la Touche.)

Я жду тебя".

Так пел восторженный поэт.

И все покоилось. Лампады тихий свет

Бледнел пред утренней зарею,

И утро веяло в темницу. И поэт

К решетке поднял важны взоры...

Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!

Звучат ключи, замки, запоры.

Зовут... Постой, постой; день только, день один:

И казней нет, и всем свобода,

И жив великий гражданин

Среди великого народа¹⁰⁶.

Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.

Но дружба смертный путь поэта очарует¹⁰⁷.

Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...¹⁰⁸

Плачь, муза, плачь!..

¹⁰⁶ Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

¹⁰⁷ На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlerent de poesie a leurs derniers moments: pour eux apres l'amitie c'etait la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretient et de leur derniere admiration. Ils voulurent reciter ses vers. Ils choisirent la premiere scene d'Andromaque.(H. de la Touche.)

¹⁰⁸ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose la.

К РОДЗЯНКЕ

Ты обещал о романтизме¹⁰⁹,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь мне об ней одной...
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украины!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной...
Поговорим опять об ней.

Хвалю, мой друг, ее охоту,

Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей;
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту,
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода!
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои:
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

Я помню чудное мгновенье:¹¹⁰

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,

В тревогах шумной суеты,

Звучал мне долго голос нежный

И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный

¹¹⁰ К *** («Я помню чудное мгновенье...»). Керн, Анна Петровна (1800-1879) – племянница соседки Пушкина П. А. Осиповой. Гостила летом 1825 г. в Тригорском. В первой строфе поэт вспоминает первую встречу с ней, в 1819 г., в Петербурге, в доме Олениных. Керн писала о том, как Пушкин передал ей эти стихи в день ее отъезда из Тригорского. «Он пришел утром и на прощание принес мне экземпляр 2-й главы „Онегина“¹), в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: „Я помню чудное мгновенье“ и проч. и проч. Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове – не знаю» («Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников», Л. 1936, стр. 326).¹) Керн ошиблась, вторая глава еще не вышла тогда. Вероятно, это была первая глава «Евгения Онегина»

Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами

¹¹¹ Жених. Написанное в балладной форме стихотворение основано на русской народной сказке о девушке и разбойниках, записанной Пушкиным в 1824 г. Со слов няни. В первой публикации (1827) сопровождалось подзаголовком «Простонародная сказка», перенесенным в сборнике стихотворений (1829) в оглавление. Под названием «Наташа» и «Жених» вошло (в 1827 и 1828 гг.) в списки предназначенных к изданию стихотворений. Под названием «Сказка о женихе» вошло в список предназначавшихся для издания «Простонародных сказок» (издание не было осуществлено).

Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица – и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит,
И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
"Он! он! узнала! – говорит, -
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!"

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: "Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи".
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданая приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
"У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?"
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

"Согласен, – говорит отец; -
Ступай благополучно,

Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все косатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить".

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет -
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: "Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите".

"Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!" – И пир горой;
Пекут, варят на славу.

Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених – и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Все шумно, гости пьяны.

Жених

"А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?"

Невеста жениху в ответ:
"Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит".
Отец ей: "Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?"

"Мне снилось, – говорит она, -
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна

Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу – молчат. Зову -
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу -
В избе свеча горит; гляжу -
Везде серебро да золото,
Все светло и богато".

Жених

"А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато".

Невеста

"Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье..."

Жених

"А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье".

Невеста

"Постой, сударь, не кончен он.

Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит".

"Ну это, – говорит жених, -
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица".
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. – Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!

И вся тут песня наша.

* * *

Если жизнь тебя обманет¹¹²,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

¹¹² «Если жизнь тебя обманет...». Написано в альбом второй дочери П. А. Осиповой, пятнадцатилетней Евпраксии Николаевне Вульф (Зизи) (1809-1883).

* * *

На небесах печальная луна
Встречается с веселою зарею,
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой молодою,
Луна пред ней, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Н. Н.

Примите «Невский Альманах».
Он мил и в прозе, и в стихах:
Вы тут найдете Полевого,
Великопольского, Хвостова;
Княжевич, дальный ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и прах!
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил¹¹³:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

¹¹³ Сафо («Счастливый юноша, ты всем меня пленил...»). Напечатано Пушкиным в его первом сборнике стихотворений в отделе «Подражания древним». У античной поэтессы Сафо подобных стихов нет, стихотворение – оригинально.

* * *

Цветы последние милей¹¹⁴
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

¹¹⁴ «Цветы последние милей...». Происхождение стихотворения объясняется заглавием в копии руки П. А. Осиповой: «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П. от П. О.» (т. е. к Пушкину от П. Осиповой).

лет.В первоначальной белой редакции были строфы, которые Пушкин не ввел в окончательный текст; после стиха «Минутное забвенье горьких мук...» (строфа 1):Товарищи! сегодня праздник наш.Заветный срок! сегодня там, далече,На пир любви, на сладостное вечеСтеклися вы при звоне мирных чаш. -Вы собрались, мгновенно молодея,Усталый дух в минувшем обновить,Поговорить на языке лицаИ с жизнью вновь свободно пошалить.На пир любви душой стремлюся я...Вот вижу вас, вот милых обнимаю.Я праздника порядок учреждаю...Я вдохновен, о, слушайте, друзья:Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!Садитесь, как вы садились там,Когда места в тени святого кроваОтличие предписывало нам.Спартанскою душой пленяя нас,Воспитанный суровою Минервой,Пускай опять Вальховский сядет первый,Последним я, иль Брольо, иль Данзас.Но многие не явятся меж нами...Пускай, друзья, пустеет место их.Они придут: конечно, над водамиИль на холме под сенью лип густыхОни твердят томительный урок,Или роман украдкой пожирают,Или стихи влюбленные слагают,И позабыт полуденный звонок.Они придут! – за праздные приборыУсядутся; напоят свой стакан,В нестройный хор сольются разговоры,И загремит веселый наш пеан.После стиха «Ты в день его лица превратил» (строфа 9) следует строфа о И. В. Малиновском:Что ж я тебя не встретил тут же с ним,Ты, наш казак и пылкий и незлобный,Зачем и ты моей сени надгробнойНе озарил присутствием своим?Мы вспомнили б, как Ваху приносилиБезмолвную мы жертву в первый раз,Как мы впервой все трое полюбили,Наперсники, товарищи проказ...Все трое полюбили – Пушкин, Пущин и Малиновский влюбились в Е. П. Бакунину (см. прим. к стих. «Осеннее утро» – т. 1).После стиха «Он взял Париж, он основал лицей» (строфа 17) следовало:Куницыну дань сердца и вина! Он создал нас, он воспитал наш пламень,Поставлен им краеугольный камень,Им чистая лампада возжена...Наставникам, хранившим юность нашу,Всем честию – и мертвым и живым,К устам подняв признательную чашу,Не помня зла, за благо воздадим.Куницын, Александр Петрович – преподаватель «нравственных и политических наук» в Царскосельском лицее, один из самых любимых и уважаемых профессоров Пушкина, известный своими передовыми убеждениями.«Все в жертву памяти твоей...». Обращено, вероятно, к Е. К. Воронцовой.

19 ОКТЯБРЯ¹¹⁵

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?

Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял:

Друзья мои, прекрасен наш союз!

Он как душа неразделим и вечен -
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лица превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:

Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгий;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся – но поздно! и уныло

Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг -
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,

Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редее;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Доучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

* * *

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА¹¹⁶

БЕРЕГ МОРЯ. ФАУСТ И МЕФИСТОФЕЛЬ.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет -
И всех вас гроб, зевая, ждет.

¹¹⁶ Сцена из Фауста. Стихотворение, напечатанное Пушкиным первоначально под заглавием «Новая сцена из Фауста», вполне оригинально, хотя и использует образы трагедии Гете (Мефистофель, Фауст, Гретхен).

Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь

Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.

В своем альбоме запиши:

Fastidium est quies – скука

Отдохновение души.

Я психолог... о вот наука!..

Скажи, когда ты не скучал?

Подумай, поищи. Тогда ли,

Как над Виргилием дремал,

А розги ум твой возбуждали?

Тогда ль, как розами венчал

Ты благосклонных дев веселья

И в буйстве шумном посвящал

Им пыл вечернего похмелья?

Тогда ль, как погрузился ты

В великодушные мечты,

В пучину темную науки?

Но – помнится – тогда со скуки,

Как арлекина, из огня

Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? все по пустякам.
Желал ты славы – и добился, -
Хотел влюбиться – и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет -
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетание
Двух душ...

Мефистофель

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там – где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи -
Там, на груди ее прелестной
Покая томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем – все помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье – скуки семя).

И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! -
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело; -
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...

Потом из этого всего
Одно ты вывел заключение...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я -
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Все утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает.)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР¹¹⁷

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Вертоград моей сестры¹¹⁸,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закапят ароматы.

¹¹⁸ Вертоград моей сестры...". В первой публикации это стихотворение и стихотворение «В крови горит огонь желанья» объединены общим заглавием: «Подражания». Стихотворение восходит к библейской «Песни песней» царя Соломона (гл. 4, ст. 12-16).

* * *

В крови горит огонь желанья¹¹⁹,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Покадохнет веселый день
И двинется ночная тень.

¹¹⁹ В крови горит огонь желанья...". Стихотворение написано на мотив двух первых стихов «Песни песней» царя Соломона, первоначально вольно переложенных Пушкиным прозой в его черновой тетради.

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Хотя стишки на именины¹²⁰
Натали, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили благодатью!
Нет, нет, по мнению моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать)
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

¹²⁰ «Хотя стишки на именины...». Стихи написаны на именины Анны Николаевны Вульф (1799-1857), старшей дочери П. А. Осиповой. Благодать – перевод еврейского имени Анна.

С ПОРТУГАЛЬСКОГО

Там звезда зари взошла¹²¹,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой,
Дева сонною рукой
Отирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкруг меня
Воздух утренний струился;

¹²¹

С португальского («Там звезда зари взошла...»). Вольный перевод стихотворения «Recordacoes» («Воспоминания») бразильского поэта Томаса-Антонио Гонзага (1744-1807?). Стихотворение входило в сборник стихов, написанных Гонзага в ссылке, в разлуке с родиной и с возлюбленной. Перевод Пушкина сделан, вероятно, не с португальского подлинника, а с французского перевода («Marilie, chants elegiaques de Gonzaga, traduits par E. Monglave et P. Chalas», Paris, 1825).

Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку -
Я водил ее на речку,

На тенистые берега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел, гитарою бряцая:

"Девы, радости моей
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною?"

Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны".

Так певал, бывало, ей,
И красавицы моей

Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

Где ж красавица моя!
Одинокий плачу я -
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ¹²²

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей¹²³,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка – не дядя твой,
Но, милый, – музы наши сестры,
Итак, ты все же братец мой.

¹²² Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный...»). Стихи извлечены из письма к Вяземскому, датированного 16-24 сентября 1825 г. (см. т. 9).

¹²³ Асмодей – адский дух (прозвище Вяземского в «Арзамасе», заимствованное из баллады Жуковского «Громобой»). Под текстом восьмистишия Пушкин написал вариант стиха 5: Василий Львович тонкий, острый.

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, -
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

* * *

Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

* * *

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удушен.
"Я очень рад, – сказал усердный льстец, -
От одного мерзавца мир избавлен".
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех – но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

* * *

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась «Полярная Звезда».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист?

— Живехонек! все так же сух и скучен,

И груб, и глуп, и завистью размучен,

Все тискает в свой nepoтpeбный лист -

И старый вздор, и вздорную новинку.

— Фу! надоел Курилка журналист!

Как загасить вонючую лучинку?

Как уморить Курилку моего?

Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом «Письмовник» снова хочет;
И, говорят, на днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд, -
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

EX UNGUE LEONEM

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

* * *

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Течение месячных изданий.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

ДВИЖЕНИЕ

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

* * *

Воспитанный под барабаном,,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел -
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

***НА ТРАГЕДИЮ ГР.
ХВОСТОВА, ИЗДАННУЮ С
ПОРТРЕТОМ КОЛОСОВОЙ***

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

* * *

От многоречия отрекшись добровольно,
В собранье полном слов не вижу пользы я;
Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

* * *

Нет ни в чем вам благодати;
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы некстати
И умны вы невпопад.

К БАРАТЫНСКОМУ

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

К Е. Н. ВУЛЬФ

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец -
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковой тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

К ВЯЗЕМСКОМУ

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек -
Тиран, предатель или узник.

К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1.

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
"Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казачков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили".
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ея поклонился.

2.

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые -
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
"Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь – повешу
Что во чистом поле
На зеленом дубе,
На зеленом дубе,
Да в собачьей шубе".
Стал Стенька Разин
Думати думу:
"Добро, воевода.
Возьми себе шубу.

Возьми себе шубу,
Да не было б шуму".

3.

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
"Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буйан,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица".

ПРИЗНАНИЕ

Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, – мне отрада;
Вы отвернетесь, – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, -
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..

Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, -
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, -
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,

И бога глас ко мне воззвал:

"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моею,

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей".

К. А. ТИМАШЕВОЙ

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы запретной розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымет, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь и журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзание без дыханья,
Томительно и сладко – в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,

Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзание -
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней – младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майской шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

* * *

Tel j'etais autrefois et tel je suis encor.
Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неумоим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

ОТВЕТ Ф. Т***

Нет, не черкешенка она;
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
ПопадаютсЯ одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

K**

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга -
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя – ты мать Амура,
Ты богородица моя!

МОРДВИНОВУ

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы
И с шумной радостью взыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

Мордвинов, не вотще Петров тебя любил,
Тобой гордится он и на берегах Коцита:
Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещего пиита.

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью, и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой.

Так, в пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще берега трепещут,
Вотще грохочет гром и волны, вокруг мутясь,
И увиваются и плещут.

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«Все мое», – сказало злато;

«Все мое», – сказал булат.

«Все куплю», – сказало злато;

«Все возьму», – сказал булат.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внимлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь – она цветет; взываешь – нет ответа.

* * *

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза -
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

Ек. Н. УШАКОВОЙ

Когда, бывало, в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изречение:
«Аминь, аминь, рассыпья!» В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведает, куда девались они.
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль, и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые -
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, рассыпья!» – говорю.

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Ек. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, -
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

* * *

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ – холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глуть мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, -
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! -
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

"Прости, – он рек, – тебя я видел,
И ты не даром мне сиял:
Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал".

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах все темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
Недавно кровь со всех сторон

Струею тощей снег багрила,
И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним как сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? – Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: "Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!.." Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад. "Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!

Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!.." И конь усталый
В столбы проскакал.

КИПРЕНСКОМУ

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, -
И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КАРАМЗИНОЙ

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умилением
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепетается,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

* * *

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Всем красны боярские конюшни:
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони:
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи -
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он в конюшни,
Чистит, холит коней боярских,
Заплетаёт гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел.
Как невзлюбит он вороного.
На вечерней заре с водопою
Обойду я боярские конюшни
И зайду в стойло к вороному -
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшню,
Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домовой на нем ездил
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света -
До заката месяца...

Ах ты, старый конюх, неразумный,
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбил красну девку молодой конюх,
Младой конюх, разгульный парень -
Он конюшню ночью отпирает,
Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня на борзого садится,
К красной девке в гости скачет.

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ

Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам – студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира

Висели на стене рядом.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу, -
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердце высоких отпечаток.
Студент, однако ж, наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет,
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображение
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой

И говорит: "Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей".
Смутился кистер изумленный.
"Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?"
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет все готово,
И другу назначает час.
Они расстались.
День угас;
Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,

Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь -
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут – и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту
поэтическую минуту, если бы
твой прадед, коего гроб попался под руку студента,
вздумал за себя
вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему
костяным кулаком, или
как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к
несчастью, похищение
совершилось благополучно. Студент по частям
разобрал всего барона и набил
карманы костями его. Возвратясь домой, он очень
искусно связал их проволокою

и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погребца в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою будущего, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,

Или как Гамлет-Баратынский
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный, иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

* * *

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.

19 ОКТЯБРЯ 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
"Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга

Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя -
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!"

ЭПИГРАММА

(ИЗ АНТОЛОГИИ)

Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

* * *

Твои догадки – сущий вздор:
Моих стихов ты не проникнул.
Я знаю, ты картежный вор,
Но от вина ужель отвыкнул?

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледен!
Как в изобретеньях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе
Или на Красном кабачке?

1828

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнание жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,

Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиление,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод -
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ СОЧИНИТЕЛЮ «САТИРЫ НА ИГРОКОВ»

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта – дельно миру!
Ему полезен розги свист. -
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасный.
Забудь его опасный дом,
Где, впрочем, сознаюсь в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник.

Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:
Некто, мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полднего сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полноточной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Немен; на одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ германца, на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона
И племя чуждого закона
К своей подошве привлечь.

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком,
Литовцы юные, в толпах,

Со стороны одной бродили
И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль, с молитвой, заряжал.

Всяк переправу охранял.
Ток Немена гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Берегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

* * *

Kennst du das Land
Wilh. Meist.

По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву...
Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?

Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,

Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.
Людмила северной красой,
Все вместе – томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.

На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненье вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две... и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчанье смотрит ли она
На образ нежный Форнарины
Или Мадоны молодой,
Она задумчивой красой

Очаровательней картины...

Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.

В. С. ФИЛИМОНОВУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ ЕГО «ДУРАЦКИЙ КОЛПАК»

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

TO DAWE, ESQr

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

ТЫ И ВЫ

Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

* * *

26 мая 1828.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И. В. СЛПНИНУ

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться, впрочем, не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

* * *

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы,
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки;
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

* * *

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

ЕЕ ГЛАЗА

Она мила – скажу меж нами -
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля -
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далекой, бедной девы.

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный

К ЯЗЫКОВУ

К тебе собирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь;
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денег и годов.

Прости, певец! играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,

Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но север забывать грешно,
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

ПОРТРЕТ

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

НАПЕРСНИК

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

* * *

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову, ревниво
Признанья слушает твои.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье

И отвагу юных дней.

УТОПЛЕННИК

Прибежали в избу дети
Второпях зовут отца:
"Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца".
"Врите, врите, бесенята,-
Заворчал на них отец; -
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?" – «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами

Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
"Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу".

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» – «Эй,пусти, хозяин!» -
"Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно".
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится -
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясса ночь он напролет,
И до утра все стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год

С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настанет,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела;
Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда!

В прежни дни твой милый лепет
Усмирял сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила,
И от мира уводила
В очарованную даль.

Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушная дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.

Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,

Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, как на небе толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с нею обитала,
И божественно б сияла
Родословная твоя.

Взяв божественную лиру,
Так поведали бы миру
Гезиод или Омир:
Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.

Он бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели -
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Уладить его страданья
Мнемозина притекла.
И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона

Плод восторгов родила.

* * *

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

* * *

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит -
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

19 ОКТЯБРЯ 1828

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

АНЧАР¹²⁴

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачную смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит -
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,

¹²⁴ Древо яда. (Прим. Пушкина.)

Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом наплат
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

ОТВЕТ КАТЕНИНУ

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербую рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый – мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им – но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

ЦВЕТOK

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел – а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
"Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?"

Поэт.

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;

Тебе бы пользы все – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь.

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт.

Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.

Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; -
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, – полезный труд! -
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношение,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

ЩЕРБИНИНУ

Житье тому, мой милый друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен -
Его не ведает печаль;
Его забавы бесконечны,
Он создал мысленно сераль
И в нем блаженствует, беспечный!

* * *

Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи;
Не усыпляй меня – иль после не буди.

* * *

Лищинский околел – отечеству беда!
Князь Сергей жив еще – утешьтесь, господа.

* * *

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы.

Е. Н. УШАКОВОЙ

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким ставом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком -
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не ограждал.

Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ

В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

* * *

(При посылке бронзового Сфинкса.)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные
розы?

В веке железном, скажи, кто золотой угадал?

Кто славянин молодой, грек духом, а родом
германец?

Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'e
Галоп не прыгаешь в собрание...
Что нужды? – Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Мать господу Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Станный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, sancta Rosa!
Восклищал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Все влюбленный, все печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря собирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

ИЗ ГАФИЗА

(Лагерь при Евфрате)
Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит -
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

ОЛЕГОВ ЩИТ

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

* * *

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затишье -
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнюю порой.

* * *

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

На походе, на войне
Сохранил я балалайку -
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.

Что таиться от друзей -
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и позднее уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,

Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сию я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), -
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечером,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный -
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела -
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,

Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возростал,
А глухо между тем поток народной брани
Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас летят
И тучи конные, брадатая пехота,

И пушек светлый ряд.

На юных ратников завистливо взирали,
Ловили с жадностью мы брани дальный звук,
И, негодую, мы и детство проклинали,
И узы строгие наук.

И многих не пришло. При звуке песней новых
Почили славные в полях Бородина,
На Кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,
Вблизи Монмартра

* * *

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды -
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю; прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движение.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...

Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, осwirепев,
Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал.
И пылью вод

И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, возжеленный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;

Один среди толпы холодной
Твои страдания я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мутительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

ЭПИГРАММА

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу нос.
Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: Такой-то де старик,
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол и подл: все это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовеер
(В своих статьях) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

* * *

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров -
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

ЭПИГРАММА

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

* * *

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В получение оплеухи
Расписался мой дурак?

* * *

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэле,
Ты разрублен на войне, -
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

* * *

Надеясь на мое презрение,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв уже терпенье,
Я эпиграммой отвечал.
Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
Журнальный шут, холоп лукавый,
Ругать бы также стал. – О нет!
Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает:
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

САПОЖНИК (ПРИТЧА)

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
"Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?"...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

ЭПИГРАММА

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой молодой, цветущий, здоровый,
Тебя сменит, великий наш певец!
Се: внимлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является молодой его наследник:
Свистов II вступает на престол!

ЭПИГРАММА

Мальчишка Фебу гимн поднес.
"Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?" -
«Пятнадцать». – «Только-то? Эй, розгу!»
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов.

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот Глинка – божия коровка,
Вот Каченовский – злой паук,
Вот и Свинын – российский жук,
Вот Олин – черная мурашка,
Вот Раич – мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпитафиях.

1830

ЦИКЛОП

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул,
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам ... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпением:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи – лед, сердца – гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth.

Суровый Дант не презирав сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камозэнс облекал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

К ВЕЛЬМОЖЕ

(Москва)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней – и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесь его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростишься, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,

Там ликовало все. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То читатель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,

Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Все изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептической причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мнения, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя

Все новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились молодые поколения.
Жестоких опытов собирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свести приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один все тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переносусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор

Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

НОВОСЕЛЬЕ

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес – а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Клянусь коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Клянусь речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки лежковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

МАДОНА

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель -

Она с величием, он с разумом в очах -
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» – "Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой

И пропал во тьме пустой".

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» -
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, -
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык -
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, -
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарно кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнание, заточенье, -
"Тем лучше, – говорят любители искусств, -
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст". Но счастье поэта

Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

ТРУД

Миг вожде́ленный настал: окончен мой труд
многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик
ненужный,

Плату приявший свою, чуждый работе другой?

Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

ЦАРКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

* * *

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» -
"Помилуй, – возопил глухой тому в ответ, -
Сей пустошью владел еще покойный дед".
Судья решил: "Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата".

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

ПРОЩАНИЕ

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

ПАЖ, или ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

C'est l'age de Cherubin...

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик – уж над губой
Могу свой ус я зацепнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так темен,
Что жизни мне милей она.

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму -
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива

И мне доступна одному.

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; право -
Вот какова ее любовь!

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избышек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.

Что ж ты нахмурился? – Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? -

Куда же ты? – В Москву, чтоб графских именин

Мне здесь не прогулять.

– Постой, а карантин!

Ведь в нашей стороне индейская зараза.

Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа,

Бывало, сиживал покорный твой слуга;

Что, брат? уж не трунишь, тоска берет – ага!

* * *

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

РИФМА

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

ОТРОК

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

ЗАКЛИНАНИЕ

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, -
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно, сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,

Что все я твой: сюда, сюда!

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут – и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил -
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар.
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликаая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик. Тогда султан
Был духом гнева обуян.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

ГЕРОЙ

Что есть истина?

Друг.

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт.

Все он, все он – пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг.

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль, как Москва пустынно блещет,
Его приемля, – и молчит?

Поэт.

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,

Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг.

Мечты поэта -
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас¹²⁵, -
И где ж очарованье света!

Поэт.

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,

¹²⁵ Memoires de Bourrienne. (Прим. Пушкина.).

Он угождает праздну! – Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Друг.

Утешься.....

29 сентября 1830
Москва.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величаясь жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал

В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Все – мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры -

Все наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой -
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал -

Волшебный демон – лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось – холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал – уныние и лень
Меня сковали – тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – все кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ

Слышу умолкнувший звук божественной
эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: "В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим".

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой -
А с ними поцелуй свиданья...

Но жду его; он за тобой...

ОТРЫВОК

Не розу пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою,
Не розу феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
Элизы моей...

ИЗ BARRY CORNWALL.

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здоровье Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здоровье Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят.
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил – кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» -
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеюсь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?

Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчаный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало... но – я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменных пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

ЦЫГАНЫ

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете – но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

* * *

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, -
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

ЭПИГРАММА

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого
Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал – и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм – в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага -
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: "Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русской штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь -
Хмельна для них славян кровь;
Но тяжело будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:

Через ее шагнете кости!..."
Сбылось – и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый -
И бунт раздавленный умолк.

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали -
Смотрите ж: все стоит она!
А вокруг ее волненья пали -
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,

Кто покориł вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубят ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом -
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов -
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят -
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,

И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством,
исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле -
И делишь наконец мой пламень поневоле!

I

И дале мы пошли – и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченное корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: "Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете".
Тут грешник жареный протяжно возопил:
"О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент невероятный!"
Тут звучно лопнул он – я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня все дале, дале -
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз – и я узрел себя в подвале.

II

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной -
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, как Арарат остра -
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
Пустили вниз его смердящими когтями;
Ядро запрыгало – и гладкая гора,

Звения, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком -

И обе, сидючи, пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им -
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел – смущением томим.

МАЛЬЧИКУ (ИЗ КАТУЛЛА)

Minister vetuli, puer.

Пьяной горечью Фалерна

Чашу мне наполни, мальчик!

Так Постумия велела,

Председательница оргий.

Вы же, воды, прочь теките

И струей, вину враждебной,

Строгих постников поите:

Чистый нам любезен Бахус.

В АЛЬБОМ А. О. СМИРНОВОЙ

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

В АЛЬБОМ кж. А. Д. АБАМЕЛЕК

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищением,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели – с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славой и вами,
Как нянька старая, горжусь.

ГНЕДИЧУ

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внимлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.

КРАСАВИЦА

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, -
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

К ***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное создание,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Все – даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

В АЛЬБОМ

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участием
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу -
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

В АЛЬБОМ

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад, -
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

(ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает
амфору,

Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы,
янтарный

Мед и сыр молодой – все готово; весь убран
цветами

Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о
други,

Должно творить возлиянья, вещать благовещие
речи,

Должно бессмертных молить, да сподобят нас
чистой душою

Правду блюсти; ведь оно ж и легче. Теперь мы
приступим:

Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика

В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но
слава

Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

(ИЗ АФЕНЕЯ)

Славная флейта, Феон, здесь лежит.
Предводителя хоров
Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал родил
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За
чашей
Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
Славил и Ватала он, молодого красавца:
прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй,
Феон!

* * *

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.

* * *

Юноша, скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

ВИНО (ИОН ХИОССКИЙ)

Злое дитя, старик молодой, властелин
добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник
любви!

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
"Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином – хоть пару поддавай,
А молодницы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши..."
– А чем же? Расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: "Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью – Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь – уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: «Эй, кума!» -
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно;
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу – и улизнала.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез – и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,

И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой -
Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! все в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь -
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:

Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я, не струся:

Домой? да! черта с два! почем
Мне знать дорогу? – Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

– Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! – На, дурень, вот и конь. -
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

– Садись. – Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, – нет уздечки.
Как взвился, как понес меня -
И очутились мы у печки.

Гляжу: все так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь – а старая скамья:
Вот что случается порою".

И стал крутить он длинный ус,

Прибавя: "Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды".

Французских рифмачей суровый судия,
О классик Депрео, к тебе взываю я:
Хотя, постигнутый неумолимым роком,
В своем отечестве престал ты быть пророком,
Хоть дерзких умников простерлася рука
На лавры твоего густого парика;
Хотя, растрепанный новейшей вольной школой,
К ней в гневе обратил ты свой затылок голый, -
Но я молю тебя, поклонник верный твой,
Будь мне вожатаем. Дерзаю за тобой
Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
Ты слишком превознес достоинства сонета,
Но где торжествовал твой здравый приговор
Глупцам минувших лет, вранью тогдашних пор.
Новейшие вдали вралей старинных стоят -
И слишком уж меня их бредни беспокоят.
Ужели все молчать, да слушать? О беда!..
Нет, все им выскажу однажды завсегда.

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараєте бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,
Постойте – наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена – прямым ли вдохновеньем,
Иль необдуманым одним поползновеньем,

И чешется у вас рука по пустякам,
Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завести
И снискивать в труде себе барыш и честь,
Чем объявления совать во все журналы,
Вельможе пошлые кропая мадригалы,
Над меньшей собратьей в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать – на будущие враки...

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь – будь что будь -
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать так поминать,
Начинать так начинать,
Лить так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогам да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем -
Мастерица ведь была
И не пил бы и не ел,
И откуда что брала.
А куды разумны шулки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..

Слушать, так душе отрадно.
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть -
Помянуть и этих нужно...-
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
"Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря – что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха;
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела – что котенок у печки -
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечи!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку".

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?»
«Нет, отец мой; полячка молодая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
«Нет, отец мой; полячка молодая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.

Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
"Гей, ты, кликнул, чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я ж ее!"

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад – и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,

В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: "Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье...
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать".

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,

Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.

"Пан мой, целить мне не можно, -

Бедный хлопец прошептал: -

Ветер, что ли; плачут очи,

Дрожь берет; в руках нет мочи,

Порох в полку не попал. "

"Тише ты, гайдучье племя!

Будешь плакать, дай мне время!

Сыпь на полку... Наводи...

Цель ей в лоб. Левее... выше.

С паном справлюсь сам. Потише;

Прежде я; ты погоди".

Выстрел по саду раздался.

Хлопец пана не дождался;

Воевода закричал,

Воевода пошатнулся...

Хлопец, видно, промахнулся:

Прямо в лоб ему попал.

* * *

Когда б не смутное влечение
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал -
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал...

* * *

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди -
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет,
Голубой ширинкой машет,
Заливается-поет:
"Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица".

ОСЕНЬ (ОТРЫВОК)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин.

I

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользнуть по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя -
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса -
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыхание,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиет,
То тлеет медленно – а я пред ним читаю
Иль думы длинные в душе моей питаю.

X

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем -
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;

Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?

.

.

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака

И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров -
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

* * *

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит -
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля -
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад – и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром,
И возврати ему...

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Предисловие.

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием *La Guzla, ou choix de Poesies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine* {1}. Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них про-

странную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С.А. Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris, 18 janvier 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophete en son pays. Je repondrai candidement a vos questions. La Guzla a ete composee par moi pour deux motifs, dont le premier etait de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions a plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis oblige de vous conter une histoire. En cette meme annee 1827, un de mes amis et moi nous avons forme le projet de faire un voyage en Italie. Nous etions devant une carte tracant au crayon notre itineraire; arrives a Venise, sur la carte s'entend, et ennuyes des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller a Trieste puis de la a

Raguse. La proposition fut adoptee, mais nous etions fort legers d'argent et cette «douleur nompareille» comme dit Rabelais nous arretait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'ecrire d'avance notre voyage, de le vendre a un libraire et d'employer le prix a voir si nous nous etions beaucoup trompes. Je demandai pour ma part a colliger les poesies populaires et a les traduire, on me mit au defi, et le lendemain j'apportai a mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne a la campagne. On dejeunait a midi et je me levais a dix heures, quand j'avais fume un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'ecrivais une ballade. Il en resulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources ou j'ai puise cette couleur locale tant vantee: d'abord une petite brochure d'un consul de France a Banialouka. J'en ai oublie le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche a prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-la quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-etre autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitule "I"e. De'costumi dei Morlachi, dans ie voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donne le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga

qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. À force de patience, j'obtins un mot "à" mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait la russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est: Scto s bieli u gorje zelenoi

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde Bosco

Nodier a traduit bosco par plaine verdoyante; c'était mal tomber, car on me dit que gorje veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и прощ.

1. ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ¹²⁶

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят – королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозит
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

¹²⁶ Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в Божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку¹²⁷ ему достигает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы¹²⁸.
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он наголо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

¹²⁷ Щиколодка, по московскому наречию щиколка.

¹²⁸ Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
(С тою самую веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный фалангой¹²⁹.

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивую:
"Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем"¹³⁰.
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул
И сказал: "Дать кафтан Радивую!"¹³¹
Не бархатный кафтан, не парчовый,

¹²⁹ Фаланга, палочные удары по пятам.

¹³⁰ Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.

¹³¹ Кафтан, обыкновенный подарок султанов

А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного".
Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
"Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзание,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!"

При сем имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло, -
Все исчезло – будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Кое-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба¹³²,
И пошли бусурмане на приступ.

2. ЯНКО МАРНАВИЧ

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались¹³³,
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселое было пиrowанье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побрались.

¹³³ Трогательный обычай братования, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он, тоскуя, бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
"Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?"
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: "На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно".
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
"Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою".
Улыбнулся Янко Марнавич

И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:

"Отвори-ка, женка, ты окошко:

Посмотри, что там еще видно?"

И жена, поглядев, отвечала:

"Вижу я на реке сиянье,

Близится оно к нашему дому".

Бей вздохнул и с постели свалился.

Тут и смерть ему приключилась.

3. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ¹³⁴

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: "Возьмите нас с собою"¹³⁵
Мы хотим воевать бусурманов".
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: «Милости просим!»
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать¹³⁶.
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки¹³⁷;
Но лишь только заржали их кони
И на солнце их кривые сабли

¹³⁴ Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

¹³⁵ Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.

¹³⁶ Жиды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. – Мериме.

¹³⁷ Банялука, прежняя столица Боснийского пашалыка.

Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: "Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям".
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар¹³⁸ с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: "Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от селихтара".
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивую,
Но и тут нас пало девятнадцать;
Закричал Георгий Радивую:
"Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из гибели вымчит".

¹³⁸ Селихтар, меченосец.

Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4. ФЕОДОР И ЕЛЕНА

.....
.....
Стамати был стар и бессилён,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Поделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: "Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу
И в горшке сюда принеси мне".

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под камнями жабу¹³⁹
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя

¹³⁹ Все народы почитали жабу ядовитым животным.

Нарежи такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее – ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
"Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок".
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и – Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» – наконец он молвил;
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой, – и видит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», – говорит Феодор.
Она встала, – он взглянул сурово.
"Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди".

Но Феодор жене не поверил:
Он отсекал ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
"Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея".

Распорол он мертвое тело.
Что ж! – на место милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: "Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди".

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены повещала:

"Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили".
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

5. ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ¹⁴⁰

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
"Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменя.

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротишься в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошkam
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь".

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

¹⁴⁰ Мицкевич перевел и украсил эту песню.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас бывало кого встречу,
Слышу: «Здравствуй, Дмитрий Алексеич!»
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6. ГАЙДУК ХРИЗИЧ

В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хризич¹⁴¹.
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выйти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь бог! помилуй наши души!» -
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очитирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать,

¹⁴¹ Гайдук, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

Будто волк на спящую козу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
"Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих"¹⁴².
Хризич встал и промолвил; "Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда".
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекли
И на копыя свои насадили, -
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

¹⁴² Западные славяне верят существованию упырей (vampire). См. песню о Марке Якубовиче.

était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres. En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien dit-il; mais j'ai faim et soif: je chantera quand je serai rassasié. Nous dînames ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérons que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller. Je fus plus heureux, une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil. Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile. Il me quitta d'une façon étrange: il demeura depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris. En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me recut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits-enfants me sautèrent au cou et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fut possible de lui faire accepter quelque récompense. 1) Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même. 2) J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me reciter son premier essai dans la poésie. 3) Espèce de bandits.

7. ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА¹⁴³

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, – и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назвав Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом

И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, – узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

8. *МАРКО ЯКУБОВИЧ*

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
«Это что под горою там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
"Отдохнуть мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго".
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
"Три дня, молвил, ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин".

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
"Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле".
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Все лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит, -
Посмотрел на ребенка и молвил:
"Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака¹⁴⁴, поверь мне".

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,

¹⁴⁴ Вурдалаки, вудкодлаки, упыри, — мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

Видят, – труп румяный и свежий, -
Ногти выросли, как вороны когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы, -
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею¹⁴⁵
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
"Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий".

Вдруг собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.

¹⁴⁵ Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Лес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марка;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый, -
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9. БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

"Черногорцы? что такое? -
Бонапарте спросил. -
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?

Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам".

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты, -
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем, -
Вот они вступили в горы,
Истребляя все кругом.

.....

.....

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

"Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!"

Ружья грянули, – упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам. – "Это что? -
Удивясь, они сказали, -
Эхо, что ли?" Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край

И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10. СОЛОВЕЙ

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота -
Рано молодца женили;
А вторая-то забота -
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота -
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

11. ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ.

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
"Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?"
Отвечает Георгий угрюмо:
"Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи".
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
"Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово".
Старый Петро не слушает, грозитя:
«Вот ужо, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегают,

Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.
"Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушение!"
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
«Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
"За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге"¹⁴⁶.
Догадалась она, завопила:
"Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!"
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

¹⁴⁶ По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер; возьмите его с дороги».

12. ВОЕВОДА МИЛОШ.

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали, -
Уж и им нестерпимо насилие.
Гусяры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, – цыганы?
Или вы не мужчины, – старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье, -
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13. ВУРДАЛАК.

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, -
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; – шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака -
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

14. СЕСТРА И БРАТЬЯ¹⁴⁷

Два дубочка выросли рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выросли,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула.
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
"Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братьями?"
Отвечает Радулова любя:
"По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость".

¹⁴⁷ Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

Вот пошла Павлиха к водопою
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
"Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного".
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
"Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!"
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
"Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола".
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
"Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!"
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож ukrала у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,

Громко воя и лицо терзая.

"Сам себе на зло сестру ты любишь,

На беду даришь ты ей подарки:

Заколола у нас она ребенка.

А когда еще ты мне не веришь,

Осмотри ты нож ее злаченый".

Вскочил Павел, как услышал это,

Побежал к Елице во светлицу:

На перине Елица почивала,

В головах нож висел злаченый.

Из ножен вынул его Павел, -

Нож злаченый весь был окровавлен.

Дернул он сестру за белу руку:

"Ой, сестра, убей тебя боже!

Извела ты коня вороного

И в саду сокола заколола,

Да за что ты зарезала ребенка?"

Сестра брату с плачем отвечает:

"Не я, братец, клянусь тебе жизнью,

Клянусь жизнью твоей и моею!

Коли ж ты не веришь моей клятве,

Выведи меня в чистое поле,

Привяжи к хвостам коней борзых,

Пусть они мое белое тело

Разорвут на четыре части".

В ту пору брат сестре не поверил;

Вывел он ее в чистое поле,

Привязал ко хвостам коней борзых

И погнал их по чистому полю.

Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха все хворает, -
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
"Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюсь".
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
"Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья".
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
"Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих коней
И пусти их по чистому полю".
Своей любви послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих коней
И погнал их по чистому полю.

Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Воров конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленькой мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15. ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ¹⁴⁸

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любой идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.
Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье надвое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,

И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеную воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка, -
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
"Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?"
Отвечает ему Водяница:
"Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей".

Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
"Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слышал, что она потонула".
Отвечает ему Водяница:
"Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба".
Водянице молвил королевич:
"Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом".
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: "Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?"
Как увидел он свою Елицу,

Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.

"Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полюблю тебя крепко".
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:

"Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.

Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой женою?"

Отвечает Яныш королевич:

"Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит".

16. КОНЬ

"Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не хожу?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?"

Отвечает конь печальный:
"Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака

Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока".

(ИЗ АНАКРЕОНА) ОТРЫВОК

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный -
Наслаждений знак нескромный.

ОДА LVI (ИЗ АНАКРЕОНА)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт -
Нет исхода уж оттуда.

ОДА LVII

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстрою.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда останавлиюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,

Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом – густая мгла;
За ним – военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, -
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, -
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь! как ратник молодой,

Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, -
Вотще! -

.....
.....

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его приял.
В божественной крови яд быстрый побежал.
Се – ярый мученик, в ночи скитаясь, воеет;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древеса; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

I.

На Испанию родную
Призвал мавра Юлиан.
Граф за личную обиду
Мстить решился королю.

Дочь его Родрик похитил,
Обесчестил древний род;
Вот за что отчизну предал
Раздраженный Юлиан.

Мавры хлынули потоком
На испанские брега.
Царство готфов миновалось,
И с престола пал Родрик.

Готфы пали не бесславно:
Храбро бились они,
Долго мавры сомневались,
Одолеет кто кого.

Восемь дней сражение длилось;
Спор решен был наконец:
Был на поле битвы пойман
Конь любимый короля;

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли.
Короля почли убитым,
И никто не пожалел.

Но Родрик в живых остался,
Бился он все восемь дней -
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И кругом свистали стрелы,
Не касаясь его,
Мимо дротики летали,
Шлема меч не рассекал.

Напоследок, утомившись,
Соскочил с коня Родрик,
Меч с запекшеюся кровью
От ладони отклеил,

Бросил об землю шлем пернатый
И блестящую броню.
И спасенный мраком ночи
С поля битвы он ушел.

II.

От полей кровавой битвы
Удаляется Родрик;

Короля опередила
Весть о гибели его.

Стариков и бедных женщин
На распутьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.

Все, рыдая, молят бога
О спасенье христиан,
Все Родрика проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконец на берег моря
В третий день приходит он,
Видит темную пещеру
На пустынном берегу.

В той пещере он находит
Крест и заступ – а в углу
Труп отшельника и яму,
Им изрытую давно.

Тленье трупу не коснулось,

Он лежит, окостенев,
Ожидая погребенья
И молитвы христиан.

Труп отшельника с молитвой
Схоронил король
И в пещере поселился
Над могилою его.

Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл,
Как предшественник его.

Короля в уединенье
Стал лукавый искушать,
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить.

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его.

Хочет он молиться богу
И не может. Бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

Он в унынии проводит
Дни и ночи недвижим,
Устремив глаза на море,
Поминая старину.

III.

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед всевышним
Заступился в небесах.

В сновиденье благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одет
И сияньем окружен.

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
"Встань – и миру вновь явись.

Ты венец утратил царский,
Но господь руке твоей
Даст победу над врагами,
А душе твоей покой".

Пробудясь, господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,

В путь отправился король.

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно бросаю щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминуей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалею

Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

СТРАННИК

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

"О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! -

Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!"

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь все плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Все плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились,
Как от безумного, чья речь и дикий плач

Докучны и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик – влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор – и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: "Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный -
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит".
"Коль жребий твой таков, -
Он возразил, – и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?"
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь», -
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», – сказал я наконец.
"Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,

Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!" – И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим – и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно, синяя, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим

Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, – здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох -
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! не я

Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

* * *

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА. ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИНСКОМУ.

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущением лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч

Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: "Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность – трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!"

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу – и боги

Ваш брак благословят.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки

Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

* * *

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что есть.

1836

Д. В. ДАВЫДОВУ

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден – плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛИЯНСКОМУ)

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей
смердной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова¹⁴⁹
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалаия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядом,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут,
Зеваючи, жильцов к себе на утро ждут, -
Такие смутные мне мысли все наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...
Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;

На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознеся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит -
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

ХУДОЖНИКУ

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев!.. Вот Зевс громовержец,

Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель
Кутузов.

Тут Аполлон – идеал, там Ниобея – печаль...

Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров -

Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;

В темной могиле почил художников друг и советник.

Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ. (ОТРЫВОК ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ)

Начнем ab ovo:

Мой Езерский

Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей.

Одкульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода
(Гласит Софийский Хронограф).

При Ольге сын его Варлаф
Приял крещение в Цареграде
С приданым греческой княжны.

От них два сына рождены,
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб, а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью
И в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке

Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар.
Зато со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар,
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в табор их
С дружиной суздальцев своих.

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамола и смут во дни кровавы
Блестят Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе¹⁵⁰
Служили доблестно царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких пересев¹⁵¹.

Когда от Думы величавой

¹⁵⁰ В посольстве.

¹⁵¹ 2 Пересечь кого – старинное выражение, значит занять место выше

Приял Романов свой венец,
Как под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились, -
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе,
При императоре Петре...
Но извините: статья может,
Читатель, вам я досадил;
Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой.

Кто б ни был ваш родоначалник,
Мстислав, князь Курбский, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам все равно. Конечно, так:
Вы презираете отцами,
Их славой, честью, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещения ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою собственных заслуг,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

Я сам – хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят -
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;
Но каюсь: новый Ходаковский¹⁵² ,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды; что спроста
Из бар мы лезем в tiers-etat,
Что нам не в прок пошли науки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом

¹⁵² Известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад

Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел двенадцать тысяч душ;
Из них отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здоровье надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лица день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром – нет! – промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, -

Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа -
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните – как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его – и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия
чуждый,
Строен, легок и могуч, – тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискбол! Он достоин,
клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено

Бодро оперся, другой поднял меткую кость.

Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,

Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

* * *

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

* * *

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: "Всеми пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора".
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: "Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам".

НЕЗАВЕРШЕННОЕ, ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ

1823

ИЗ ПИСЬМА К В. П. ГОРЧАКОВУ

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь;
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей.

Л. ПУШКИНУ

Брат милый, отроком расстался ты со мной -
В разлуке протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша – и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы.
Какое поприще открыто пред тобой,
Как много для тебя восторгов, наслаждений
И сладостных забот, и милых заблуждений!
Как часто новый жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь, в надежде торопливой,
Зовешь, вверяясь им, и дружбу и любовь.

ЧИНОВНИК И ПОЭТ

"Куда вы? за город конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей Музой мечтать
Уединенно и беспечно?"

— Нет, я собираюсь на базар,
Люблю базарное волнение,
Скуфьи жидов, усы болгар,
И спор и крик, и торго жар,
Нарядов пестрое стеснение.
Люблю толпу, лохмотья, шум -
И жадной черни лай свободный.

"Так — наблюдаете — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.
Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья;
Но службы долг зовет меня,
Простите, нам не до гулянья".

— Куда ж?—

"В острог — сегодня мы
Выпроваждаем из тюрьмы
За молдаванскую границу
Кирджали".

"Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
Внемли, боже кларосский, молению старца,
погибнет

Ныне, ежели ты не предыдешь слепому вожатым".
Рек и сел на камне слепец утомленный. – Но
следом

Три пастуха за ним, дети страны той пустынной,
Скоро сбежались на лай собак, их стада
стерегущих.

Ярость уняв их, они защитили бессилие старца;
Издали внемля ему, приближались и думали: "Кто
же

Сей белоглавый старик, одинокий, слепой – уж не
бог ли?

Горд и высок; висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо".

Вот шаги он услышал, ухо клонит, смутясь, уж
Руки простер для моленья странник несчастный.
"Не бойся,

Ежели только не скрыт в земном и дряхлеющем
теле

Бог, покровитель Греции – столь величаяя
прелесть

Старость твою украшает, – вещали они
незнакомцу; -

Если ж ты смертный – то знай, что волны тебя
принесли
К людям дружелюбным".

М. Е. ЭЙХФЕЛЬДТ

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда – Зоя:
Женюсь, и буду вам родня.

* * *

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой,
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди – тряхнем мы стариной.
Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура, -
Тардиф, который Коленкура
И откормил, и обокрал,-
Тардиф, полицией гонимый
За неуплатные долги,-
Тардиф, умом неистощимый
На entre-mets, на пироги...

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ

Проклятый город Кишенев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И – не найду твоих следов!
Падут, погибнут пламенея,
И пестрый дом Варфоломея
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишенев равнять не смею,
Я слишком с библией знаком,
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света,
Хранимый богом человек
И член верховного совета,

Провел бы я смиренно век
В Париже ветхого завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.-
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад -
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель – пощади мой зад!

Мое беспечное незнание
Лукавый демон возмутил,
И он мое существование
С своим на век соединил.
Я стал взирать его глазами,
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный,
Напрасен опыт вековой.
Вы правы, мудрые народы,

К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

* * *

Бывало в сладком ослепленье
Я верил избранным душам,
Я мнил – их тайное рожденье
Угодно властным небесам,
На них указывало мненье -
Едва приблизился я к ним...

* * *

Придет ужасный час... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих починут мощи хладны.
Но я, дотоле твой поклонник безотрадный,
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У милых ног твоих – себе их на колена
Сложу – и буду ждать печально... но чего?
Чтоб силою мечтанья моего...

Как наше сердце своенравно!
томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой томный взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что позволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Все впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

* * *

Туманский, Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни,
Дозором ездит по Тавриде
И проповедует Парни.

* * *

Мой пленник вовсе не любезен -
Он хладен, скучен, бесполезен -
Все так – но пленник мой не я.

Напраснославил,
Дидло плясать его заставил,
Мой пленник следственно не я.

* * *

Скажи – не я ль тебя заметил
В толпе застенчивых подруг,
Твой первый взор не я ли встретил,
Не я ли был твой первый друг?

1824

КОРАБЛЮ

Морей красавец окриленный!
Тебя зову – плыви, плыви
И сохрани залог бесценный
Мольбам, надеждам и любви.
Ты, ветер, утренним дыханьем
Счастливый парус напрягай,
Волны незапным колыханьем
Ее груди не утомляй.

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
Свободы буря подымалась.

И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью -
Все было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

* * *

О боги мирные полей, дубров и гор,
Мой Аполлон ваш любит разговор,
Меж вами я нашел и музу молодую,
Подругу дней моих, невинную, простую,
Но чем-то милую – не правда ли, друзья?
И своенравная волшебница моя,
Как тихой ветерок, иль пчелка золотая,
Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая...

ГРАФУ ОЛИЗАРУ

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали
Кремля позор и плен,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит -
Перед улыбкой муз небесной
Земная ненависть молчит,

При сладких звуках вдохновенья,
При песняхлир...
И восстают благословенья.
На племена нисходит мир...

ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ

Ты издал дядю моего:
Творец «Опасного соседа»
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его. -
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

* * *

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела -
чай пила -
С Делиным – иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удушенная слава
С Екатериной умерла.

* * *

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил, -
Ходи к источнику близ могил
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает -
Так жизни время убегает,
В гареме так исчезну я.

Презрев и голос укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
Умолкни, сердца шепот сонный,
Привычки давной слабый глас,
Прости, предел неблагосклонный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души.
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца – о тебе.
В последний раз сожмем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта

где-нибудь в волненье света
Мой глас вспомни иногда

Умолкнет он под небом дальным
сне,
Один печальным
Угаснет в чуждой стороне.

Настанет час желанный,
И благосклонный славянин
К моей могиле безымянной...

МЛАДЕНЦУ

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ

Прости, украинский мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим – деревня; ты мой папа,
Благослови ж меня, певец!

ПОСЛАНИЕ К Л. ПУШКИНУ

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно.
Знаешь ли какого рода?
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоляной
St Пере бутылке длинной.
В лета красные мои,
В лета юности безумной,
Поэтической Аи
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви!
вспомнил о поэте
И напеченный бокал
Я тогда всему на свете,
Милый брат, предпочитал.

Ныне нет во мне пристрастья -
Без разбора за столом,
Друг разумный сладострастья,
Вина обхожу кругом
Все люблю я понемногу -

Часто двигаю стакан,
Часто пью – но, слава богу,
Редко, редко лягу пьян.

К САБУРОВУ

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чадаевым читал,
Как, все заботы отклоня,
Провел меж ими год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой.

* * *

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный.

РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ

"Внимай, что я тебе вещаю:

Я телом евнух, муж душой".

— Но что ж ты делаешь со мной?

«Я тело в душу превращаю».

Гр. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

НА ФОТИЯ

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным,
Поменьше пастырей таких, -
Полу-благих, полу-святых.

* * *

Как узник, Байроном воспетый,
Вздохнул, оставя мрак тюрьмы...

* * *

Слаб и робок человек,
Слеп умом и все тревожит...

* * *

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними вербная лоза
С иссохшей просвирой и свечкой

Горшок с на окне,
Две канареечки над печкой...

* * *

Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, может быть, оно -
Так утверждаю не напрасно
И доказать не мудрено.
Твой дом, учтивая беседа
И шулки с желчью пополам
Напоминают живо нам
И впрямь «Опасного соседа».

* * *

Quand au front du convive, au beau sein de Delie
La rose éblouissante a termine sa vie...

Soudain se detachant de sa tige natale
Comme un léger soupir sa douce ame s'exhale,
Aux rives Elysees ses manes parfumes
Vont charmer du Lethe les bords inanimés.

НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ

I

"Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?"
– Все хороши: на все призыванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья -
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать – я служу,
Живу, кряхчу под вечным игом.
Как нянька бедная, хожу
За вами – слушаю, гляжу.

II

– Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну смелее,
Там нам будет веселее.-

– Где же мост? – Какой тут мост,
На вот – сядь ко мне на хвост.

– Кто идет? – Солдат.
– Это что? – Парад.
– Вот обер-капрал,
Унтер-генерал.

– Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
– Фауст, ха-ха-ха,
Посмотри – уха,
Погляди – цари.
О вари, вари!..

– Сегодня бал у сатаны -
На именины мы званы -
Смотри, как эти два бесенка
Усердно жарят поросенка,
А этот бес – как важен он,
Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
– Скажи мне, скоро ль будут гости?

*

– Так вот детей земных изгнание?
Какой порядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Все тихо. – Там, гораздо дале.
– Где мы теперь? – В парадной зале.

*

– Что козырь? – Черви. – Мне ходить.
– Я бью. – Нельзя ли погодить?
– Беру. – Кругом нас обыграла!
– Эй, смерть! Ты, право, сплутовала.
– Молчи! ты глуп и молоденок.
Уж не тебе меня ловить.
Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить!

*

– Кто там? – Здорово, господа!
– Зачем пожаловал сюда?
– Привел я гостя. – Ах, создатель!..
– Вот доктор Фауст, наш приятель. -
– Живой! – Он жив, да наш давно -
Сегодня ль, завтра ль – все равно.
– Об этом думают двояко;
Обычай требовал, однако,
Соизволения моего,
Но, впрочем, это ничего.
Вы знаете, всегда я другу
Готова оказать услугу...
Я дамой... – Крой! – Я бью тузом...
– Позвольте, козырь. – Ну, пойдем...

* * *

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало смелей грозит и устрашает.
Что делать? утешься и смиришь,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед – успехи пред тобою,
Я счастья тебе желаю всей душою,
а опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-евнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.

"Мизрур, недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне все сказали.
Я знаю – жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика".

* * *

Заступники кнута и плети,
О знаменитые князья,
За все жена моя и дети
Вам благодарны, как и я.
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду.
Когда позовут
Меня на расправу,
За ваше здоровье и славу
Я дам царю мой первый кнут.

Короче дни, а ночи доле,
Настала скучная пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранное поле.
Что делать в зимни вечера,
Пока не подавали кушать?
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенные друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденок.

В то время деньги

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши, истинно повесить
И живота весьма лишить.

НАЧАЛО I ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННОЦЫ»

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Йоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь – вечернею порой
Милее мне смиренная девица -
Послушная, как агнец полевой;
Йоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец, сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,

Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

* * *

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшей
В тишине небес.

* * *

Что с тобой, скажи мне, братец?
Бледен ты, как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был ты у забора,
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?
Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю – сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позывает
Ко испражнению прежних дней.

* * *

Семейственной любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

VARIANTES EN L'HONNEUR DE M-LLE NN

Почтения, любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

* * *

Брови царь нахмуря,
Говорил: "Вчера
Повалила буря
Памятник Петра".
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» -
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
"Вешают за морем
За !
То есть разумею, -
Вдруг примолвил он, -
Вешают за шею,
Но жесток закон".

АННЕ Н. ВУЛЬФ

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щепочку ,
Но и не позволит.

* * *

Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Поймай, поймай ее шутя
Над розой колючей,
Потом на волю отпусти.
Но не советую тебе
Играть с уснувшим змием -
Завидуя его судьбе
Готовы
Искусным пойманный перстом...

* * *

Он вежлив был в иных прихожих,
Но дома скучен, сух и горд.

* * *

Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак
Мне радостней...

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Да сохранит тебя твой добрый гений
Под бурями и в тишине...

* * *

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.

Его таинственная сила

Слова святыя начертила
На нем безвестная рука.

* * *

Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу...

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

1826

***ИЗ ПИСЬМА К
ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ***

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

**ИЗ АРИОСТОВА
«ORLANDO FURIOSO»
CANTO XXIII**

Ott. 100

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогий спит у стада,
Устал под латами герой -
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

102

Гуляя, он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам-друг являлся иногда.

103

Орланд их имена читает,
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все, может быть,

Другой, не этой Анджеликой.

104

Но вскоре, витязь, молвил ты:
"Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славил, быть может".
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильнее,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106

Кривой, бродящей павиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анджеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркий, в тихий час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливцы написали.

107

Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись – в похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал;
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значение:

108

"Цветы, луга, ручей живой,
Счастливым грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени,
Где с Анжеликой молодой,
С прелестной дочерью Галафрона,
Любимой многими – порой
Я знал утехы Купидона.
Чем, бедный, вас я награжу?
Столь часто вами охраненный,
Одним лишь только услужу -
Хвалой и просьбою смиренной.

109

Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно, -
На воды, луг, на тень и лес
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда

Не гнали жадные стада".

110

Граф точно так, как по-латыни,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111

Два, три раза, и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть.
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,
И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

* * *

Кристал, поэтом обновленный,
Укрась мой мирный уголок,
Залог поэзии священной
И дружбы сладостный залог.

В тебе таится жар целебный

Едва уста красноречивы
Тебя коснулись, и вмиг
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник.

* * *

Будь подобен полной чаше,
Молодых счастливый дом, -
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего -
Черт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте – тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! -
Не болтай же ничего.

Строгий суд и слово ваше
Ценим более всего.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажите, чем я виновата.

Нет, Маша, ты не виновата...

И этой свадьбе не бывать..

ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке.
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарачит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусок.

Яжельбицы – первая станция после Валдая. – В
Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же
нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю купи баранок
И скорее поезжай.

ИЗ ПИСЬМА К АЛЕКСЕЕВУ

Прощай, отшельник бессарабской
Лукавый друг души моей.
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

* * *

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы оденься,
Иди, и с вервием на выи
К убийце гнусному явись.

* * *

Там на берегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

* * *

Что-то грезит Баратынский,
Что-то думает Плетнев?

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоём жилище нет
Ни злата, ни сребра; но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

«Пройдет ли мой недуг?» – лев у осла спросил;
Осел отвечивал: "О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был" -
Два раза два – четыре.

3. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;

Зажгли другую, – что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

4. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? – Гроб.

5. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

"Познай, светлейший лев, смятения вину, -
Рек слон, – в народе бунт! повсюду шум и клики!"
«Смирятся, – лев сказал, – лишь гривой я тряхну!»
Опасность не страшна для мощного владыки.

6. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;

От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостью сила.

7. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал. -
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

8. МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? – лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

9. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.

Вот смертного удел!

10. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

11. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка – мила:
Всяк следует своей природе.

Кж. УРУСОВОЙ

Не веровал я троице доньне:
Мне бог тройной казался все мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

1827

* * *

Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твое явление,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...
Все, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье.

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.

* * *

О ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус толь верный,
И точный ум, и слог примерный;
О ты, который избежал
Сентиментальности манерной
И в самый легкий мадригал
Умел...

ИЗ ALFIERI

Сомнение, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!..
Но как же зреть его и не любить?
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум, с наружностью прекрасной
Прекрасная душа... Зачем природа
И небеса таким тебя создали?
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить? – О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним. Он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне. И он, как и другие,
Обманется – и станет, как других,
Он убежать меня... Увы, мне, бедной!..
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы – преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе...
Что вижу? Карл! – Уйдем, мне изменить
И речь и взор – все может: ах, уйдем.

* * *

В роще карийской, любезной ловцам, таится
пещера,

Стройные сосны кругом склонились ветвями, и
тенью

Вход ее заслонен на воле бродящим в извилах
Плющем, любовником скал и расселин. С камня на
камень

Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким
журчаньем.

* * *

Я знаю край: там на берега
Уединенно море плещет;
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно – степь нагая
Над морем стелется одна.

В АЛЬБОМ ПАВЛУ ВЯЗЕМСКОМУ

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, капитан,
Как помнятся у нас в простонародье
Над нехристом победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буйан?
Французов видели тогда мы многих ,
Да и твою, капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,

Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так. сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатской штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал ?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает:
"Три девятки, туз червей
И король бубновый -
Спор, досада от речей
И притом обновы...

А по картам – ждать гостей
Надобно сегодня".
Вдруг стучатся у дверей;
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули ,
Шепчут: "Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку".

Что? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,
Он целый век,
Он у них, как дома.
в кухню руки мыть
Кинулись прыжками,
Обуваться, пукли взбить,

Прыскаться духами.

Гостя сводня между тем
Ласково встречает,
Просит лечь его совсем.
Он же вопрошает:
"Что, как торг идет у вас?
Барышей довольно?"
Сводня за щеку взялась
И вздохнула больно:

"Хоть бывало худо мне,
Но такого горя
Не видала и во сне,
Хоть бежать за море.
Верите ль, с Петрова дня
Ровно до субботы
Все девицы у меня
Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.
Я им вывожу,
Каждый выбирает.
Занимаются всю ночь,
Кончили, и что же?
Не платя, пошли все прочь,
Господи мой боже!"

Гость ей: "Право, мне вас жаль.
Здравствуй, друг Анета,
Что за шляпка! что за шаль,
Подойди, Жанета.
А, Луиза, – поцелуй,
Выбрать, так обидишь;
Так на всех и ,
Только вас увидишь".

"Что же, – сводня говорит, -
Хочете ль Жанету?
В деле так у ней горит
Иль возьмете эту?"
Бедной сводне гость в ответ:
"Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
Девушки, не бойтесь".

Он ушел – все стихло вдруг,
Сводня приуныла,
Дремлют девушки вокруг,
Свечка
Сводня карты вновь берет,
Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет -
Сводня засыпает.

ЭПИГРАММА НА ШАЛИКОВА

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
Перед певцом со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
«Вот, вот с кого пример берите, дуры!» -
Он дочерям в восторге закричал. -
"Откройся мне, о милый сын природы,
Ах! что слезой твой осребрило взор?"
А тот ему: «Мне хочется на двор».

Увы! Язык любви болтливой,
Язык и темный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,

Иль клевету, иль заточенье,
И редко хладную хвалу.

ИЗ АЛЬБОМА А. П. КЕРН

*** * ***

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он;
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

*** * ***

Amour, exil -
Какая гиль!

*** * ***

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевести,
И даже имени такого

Не смею громко произнести!

* * *

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: "В день Ильи-пророка
Она была разведена!"

* * *

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

* * *

Уродился я, бедный недоносок,
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

* * *

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей
Заместо красного яичка
Поднес ученого скворца.
Известно вам: такая птичка
Умней иного мудреца.
Скворец, надувшись величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

* * *

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве -
И R и O позабываю
Для N и W.

* * *

Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день – и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно...

* * *

Но ты забудь меня, мой друг,
Забудь меня, как забывают
Томительный печальный сон,
Когда по утру отлетают
И тень и...

* * *

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть,
И близ тебя, мой друг бесценный...

* * *

В рюмке светлой предо мною
Брызжет, пенится вино...

* * *

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули, !
От пятидесяти
На сто.

И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

В. Л. ПУШКИНУ

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров,
Меж проповедников Парнаса – Прокопович!
Пленительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде
И соком лоз его пьем здравие твое.

1829

ФАЗИЛЬ-ХАНУ

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы имена.

Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Все упоениям бытия.
Однажды, – слушайте, друзья, –
Он по Керамику скитался,
И вдруг из рощи вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда как сон,
Его красавица сокрылась.

НА КАРТИНКИ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» В «НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ»

1

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

2

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу – милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала

При бледных месяца лучах
И на изорвала
Конечно «Невский Альманах».

* * *

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие.

* * *

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах Перикла,
На мраморных Афин.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

* * *

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

МЕДОК. (МЕДОК В УАЛЛАХ)

Попутный веет ветер. – Идет корабль,
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все, – идет, и пред кормой
Морская пена раздается. Многим
Наполнилась грудь у всех пловцов.
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс, – пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и деве пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
Когда найдет он все благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далек,
Сам Медок погружен в воспоминаньях
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветер
Звучит меж вервий, и корабль надежный

Бежит, шумя, меж волн.

Садится солнце.

* * *

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.

Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,
На заре алой,
Серебрится снежный прах.

* * *

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг? я твой

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоём
Повешу я, да издаёт она,
Когда столбы его колеблет буря,
Печальный звук! Ещё единый гимн -
Внемлите мне, пенаты, – вам пою
Обетный гимн. Советники Зевеса,
Живёте ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему
Причина вы, по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоглавой
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада, – вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнанием удален
От ваших жертв и тихих возлияний,
Но вас любить не остывал я, боги,
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа – там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем

Оставил я людское племя,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный,
Беседуя с самим собою. Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь,
В могуществе и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат -
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

* * *

Меж горный стен несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, то там дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет -
И вдруг утих и смирен стал.

Все ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот обнажилось
Его кремнистое русло.

* * *

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

* * *

Страшно и скучно.
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.
Тесно и душно.
В диком ущелье -
Тучи да снег.

Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.
Ветер шумит.
Солнцу обидно...

* * *

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает,
Пугливо он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые луга,
Глядит на синий свод небесный
И на днепровские берега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен он стоит
И чутким ухом шевелит...

Но дрогнул он – незапный звук
Его коснулся – боязливо
Он шею вытянул и вдруг
С вершины прынул...

* * *

Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу -
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

ДЕЛЬВИГУ

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашу судьбой.

Явились мы рано оба
На ипподром, а не на торг,
Вблизи державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Избаловало нас начало.
И в гордой лениности своей
Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

Но ты, сын Феба беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не предавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ругали,
Упреки те же слышим мы:
Мы любим славу да в бокале
Топить разгульные умы.

Твой слог могучий и крылатый
Какой-то дразнит пародист,
И стих, надеждами богатый,
Жует беззубый журналист

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне:
Когда, людей вблизи видя
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя, -
Тогда, забывшись, я лечу
Не в светлый край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море теплою волной
На пожелтый мрамор плещет,
И лавр и темный кипарис
На воле пышно разрослись,
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Далече звонкою скалой
Повторены пловца октавы.
Стремлюсь привычную мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров – берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрю покрыт

И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок...

* * *

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те, те, те и те, те, те.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те.

* * *

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

* * *

Одни стихи ему читала,
И щеки рделися у ней,
И тихо грудь ее дышала:
"Приди, жених души моей,
Тебя зову на томной лире!
Но где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?"
Но Анатоль не понимал...

* * *

В пустыне
Пробился ключ,
Обложен камнями простыми...

* * *

Тому одно, одно мгновение
Она цвела, свежа, пышна -
И вот уж вянет – и
опалена
Иль жар твоей груди
Младую розу опалил...

* * *

строгий свет
Смягчил свои предубеждения,
Или простил мне заблужденья
Давно минувших темных лет.

* * *

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа – запад темно-красный,
Слева – бледная луна.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за верность и за веру)
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру.
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

ИЗ ПИСЬМА К А. О. РОССЕТ

От вас узнал я плен Варшавы.

Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

* * *

Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на удаль плясовую
Да чешет голову седую,
Под лад плечами шевеля...

* * *

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный...

* * *

Я ехал в дальние края;
Не шумных жаждал я,
Искал не злата, не честей,
В пыли средь копий и мечей.

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнь пожить
В забвенье сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

* * *

Царей потомок Меценат,
Мой покровитель стародавний!
Иные колесницу мчат
В ристалище под пылью славной
И, заповеданной ограды
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
И мнят быть равны с божеством.
Другие на свою главу
Сбирают титла знамениты,
Непостоянные квириты
Им предают молву.

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки,
Звуки песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.

Пой: "Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?"

* * *

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком станица боевая,
Корабль вбежал в Неву – и вот среди зыбей,
Качаясь, плавает, как лебедь молодая.

Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,
Широкая волна плеснула в острова...

ПЛЕТНЕВУ

Ты хочешь, мой наперсник строгой,
Боев парнасских судия,
Чтоб тревогой

На прежний лад настроя,
Давно забытого героя,
Когда-то бывшего в чести,
Опять на сцену привести.

Ты говоришь:

Онегин жив, и будет он
Еще нескоро схоронен.
О нем вестей ты много знаешь,
И с Петербурга и Москвы
Возьмут оброк его главы...

* * *

Зачем я ею очарован?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнью моей

Она глядит на вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Мне свою ножку подала!

* * *

В голубом небесном поле
Светит Веспер золотой -
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.
Воздух полн дыханьем лавра,
морская мгла,
Дремлют флаги Бучентавра,
Ночь безмолвна и тепла.

* * *

Толпа глухая,
Крылатой новизны любовница слепая,
Надменных баловней меняет каждый день,
И с ступени на ступень
Летят кумиры их, увенчанные ею.

Надо помянуть, непременно помянуть надо:
Трех Матрен
Да Луку с Петром;
Помянуть надо и тех, которые, например:
Бывшего поэта Панцербитера,
Нашего прихода честного пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славного русского кондитера,
Всех православных христиан города Санкт-Питера
Да покойника Юпитера.
Надо помянуть, непременно надо:
Московского поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева,
И двоюродного братца нашего и вашего.
Нашего Вальтера Скотта Масальского,
Дона Мигуэля, короля португальского,
И господина городничего города Мосальского.
Надо помянуть, помянуть надо, непременно надо:
Покойной Беседы члена Кикина,
Российского дворянина Боборыкина
И известного в Банке члена Аникина,
Надобно помянуть и тех, которые, например,
между прочими:
Раба божия Петрищева,
Известного автора Радищева,

Русского лексикографа Татищева,
Сенатора с жилою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина, не Мусина, не Онегинского, а
Бобрищева,
Ярославского актера Канищева,
Нашего славного поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
И, ради Христа, всякого доброго нищего.
Надо еще помянуть, непременно надо:
Бывшего французского короля Десвитского,
Бывшего варшавского коменданта Левицкого
И полковника Хвитского,
Американца Монрое,
Виконта Дарленкура и его Ипсибое
И всех спасшихся от потопа при Ное,
Музыкального Бетговена,
И таможенного Овена,
Александра Михайловича Гедеонова,
Всех членов старшего и младшего дома
Бурбонова,
И супруга Берийского неизвестного, оного,
Камер-юнкера Загряжского,
Уездного заседателя города Рязского,
И отцов наших, державшихся вина фряжского,
Славного лирика Ломоносова,
Московского статистика Андросова
И Петра Андреевича, князя Вяземского курносого,
Оленина Стереотипа

И Вигеля, Филиппова сына Филиппа,
Бывшего камергера Приклонского,
Господина Шафонского,
Карманный грош князя Григория Волконского
И уж Александра Македонского,
Этого не обойдешь, не объедешь, надо
Помянуть... покойника Винценгероде,
Саксонского министра Люцероде,
Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
Покойного скрипача Роде,
Хвостова в анакреонтическом роде;
Уж как ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего приятеля Велегорского
(Что не любит вина горского),
А по-нашему Велеурского,
Покойного пресвитера Самбурского,
Дершау, полицмейстера с.-петербургского,
Почтмейстера города Василисурского;
Надо помянуть – парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернатором в Костроме,
Доктора Шулера, умершего в чуме,
И полковника Бартоломе.
Повара али историографа Миллера,
Немецкого поэта Шиллера
И Пинети, славного ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебе) Арндта,
Да англичанина Warnta,
Известного механика Мокдуано,

Москетти, московского сопрано

И всех тех, которые напиваются рано.

Натуралиста Кювье

И суконных фабрикантов города Лувье,

Фравцузского языка учителя Жиля,

Отставного английского министра Пиля,

И живописца-аматера Киля.

Надобно помянуть:

Жуковского балладника

И Марса, питерского помадника.

Надо помянуть:

Господ: Чулкова,

Носкова,

Башмакова,

Сапожкова

Да при них и генерала Пяткина

И князя Ростовского-Касаткина.

1834

* * *

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли?.. а кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений...

* * *

Везувий зев открыл – дым хлынул клубом – пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется – с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

* * *

Стою печален на кладбище.
Гляжу кругом – обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
изредка стучит.
Одна равнина справа, слева.
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Однообразны и унылы
Немые камни и могилы
И деревянные кресты.

НАДПИСЬ К ВОРОТАМ ЕКАТЕРИНГОФА

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег – он уже бы растаял,
Были б лебеди – они б улетели.
То не снег и не лебеди белы,
А шатер Аги Асан-аги.
Он лежит в нем, весь люто изранен.
Посетили его сестра и мать,
Его любя не могла, застыдилась.
Как ему от боли стало легче,
Приказал он своей верной любе:
"Ты не ищи меня в моем белом доме,
В белом доме, ни во всем моем роде".
Как услышала мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна.
Она слышит, на двор едут кони;
Побежала Асан-агиница,
Хочет броситься, бедная, в окошко,
За ней вопят две милые дочки:
"Воротися, милая мать наша,
Приехал не муж Асан-ага,

А приехал брат твой Пинторович".
Воротилась Асан-агиница,
И повисла она брату на шею -
"Братец милый, что за посрамление!
Меня гонят от пятерых деток".

* * *

Менко Вуич грамоту пишет
Своему побратиму:
"Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча,
Ярый враг извести тебя хочет,
Недруг хитрый, Милош Обренович.
Он в Хотин подослал потаенно
Янка младшего с Павлом

Осердился Георгий Петрович,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови...

ПЛЕТНЕВУ

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман наш продолжать
И строгой век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что с целью полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И что нашему собрату
Брать с публики умеренную плату.

Ты говоришь: пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен – нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив...

* * *

Вы за «Онегина» советуете, други,
Приняться мне опять в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат.
Итак, еще роман не кончен – это клад:
Вставляй в просторную, вместительную раму
Картины новые – открой нам диораму:
Привалит публика, платя тебе за вход -
(Что даст еще тебе и славу и доход).

Пожалуй, я бы рад -
Так некогда поэт...

В мои осенние досуги,
В те дни, как люблю мне писать,
Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман не конча перервать,
Отдав уже его в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

Вы говорите: "Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен – понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью -
Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
И келью и харем

И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей -
Налог не тягостный, ей-ей".

* * *

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?..
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться,
Но нечего об этом толковать.
Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погибнул
Я с участью моей.

* * *

Если ехать вам случится
От **** на *,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов, -
От большой дороги справа,
Между полем и селом,
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом облит его лучами,
Окна блещут как пожар,
И, ездой скучая мимо
развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

* * *

На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите – вам слава не нужна,
Смешной и суетной вам кажется она;
Зачем же пишете? – Я? для себя. – За что же
Печатаете вы? – Для денег. – Ах, мой боже!
Как стыдно! – Почему ж?

РОДРИГ

Чудный сон мне бог послал -
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: "Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес.
Скоро странствию земному
Твоему придет конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец...
Путник – ляжешь на ночлеге,
В гавань, плаватель, войдешь.
Бедный пахарь утомленный,
Отрешишь волов от плуга
На последней борозде.

Ныне грешник тот великий,
О котором предвещанье
Слышал ты давно -
Грешник жданный
Наконец к тебе приидет
Исповедовать себя,
И получит разрешение,

И заснешь ты вечным сном>.

Сон отрадный, благовещный -
Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечная страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, творец.
Но твоя да будет воля,
Не моя. – Кто там идет?..

* * *

– Не видала ль, девица,
Коня моего?

– Я видала, видела
Коня твоего.

– Куда, красна девица,
Мой конь пробежал?

– Твой конь пробежал
На Дунай реку -

Бежал твой конь
Тебя проклинал -
Тебя проклинал...

* * *

К кастрату раз пришел скрыпач,
Он был бедняк, а тот богач.
"Смотри, сказал певец , -
Мои алмазы, изумруды -
Я их от скуки разбирал.
А! кстати, брат, – он продолжал, -
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу".
В ответ бедняга равнодушно:
– Я? я себе чешу.

* * *

То было вскоре после боя,
Как счастье бросило героя,
И рать побитая кругом
Лежала...

* * *

Как редко плату получает
Великий добрый человек

в кой-то век

За все заботы и досады
(И то дивиться всякий рад!)
Берет достойные награды
Или достоин сих наград.

* * *

Плывет корабль, как лебедь громовержец...

* * *

Развратник, радуясь, клеветает,
Соблазн по городу гремит,
А он, хохоча, рукоплещет...

* * *

Не вижу я твоих очей,
И сладострастных и суровых...

1836

* * *

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

* * *

От западных морей до самых врат восточных
Не многие умы от благ прямых и прочных
Зло могут отличить... рассудок редко нам
Внушает

«Пошли мне долгу жизнь и многие года!»
Зевеса вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить – но сколькими бедами
Исполнен долгий век! Во-первых, как рубцами,
Лицо морщинами покроется – оно
превращено.

* * *

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латинских,
Ты к мощной древности опять меня манишь,
Ты снова мне велишь.

Простясь с мечтой и бледным идеалом,
Я приготовился бороться с Ювеналом,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
Стихами перевести я было дал обет.
Но, развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
Стихи бесстыдные приапами торчат,
В них звуки странною гармонией трещат...

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
"Сеньор, послушайте меня:
Пускаться в путь теперь не время,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть – покой вам нужен,
А к стойлу тянется ваш конь".
"Мне путешествие привычно
И днем и ночью – был бы путь, -
Тот отвечает. – Неприлично
Бояться мне чего-нибудь.
Я дворянин, – ни черт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я".
И дон Альфонс коню дал шпоры,
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.
Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь...
А в стороне торчит глаголь,

И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.
То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример ворах.
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и боком
Прошел их мимо, и потом
Понесся резво, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

* * *

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом опьянела,
И смертная борьба началась,
При клике «Польша не згинела!» -

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Варшавы бунт
в дыме.

Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

* * *

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья,
Для чувств всего.

* * *

Друг сердечный мне намеренно говорил:
По тебе я, красна девица, изныл,
На жену свою взглянуть я не хочу -
А я все-таки...

* * *

Конечно, презирать не трудно
Отдельно каждого глупца,
Сердиться так же безрассудно
И на отдельного страмца.

Но что чудно -
Всех вместе презирать и трудно -

Их эпиграммы площадные,
Из Бьеврианы занятые...

* * *

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.

* * *

Сей белокаменный фонтан,
Стихов узором испещренный,
Сооружен и изваян

Железный ковшик

цепью прицепленный
Кто б ни был ты: пастух,
Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей.

* * *

Еще в ребячестве, бессмысленный и злой,
Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.

* * *

Когда так нежно, так сердечно,
Так радостно я встретил вас,
Вы удивились, конечно,
Досадой хладно воужась.

Вечор в счастливом усыпленьи

Мое живое сновиденье
Ваш милый образ озарил.

С тех пор я слезами
Мечту прелестную зову.
Во сне был осчастливлен вами
И благодарен наяву.

ИЗ ПИСЬМА К ЯКОВЛЕВУ

Смирдин меня в беду поверг;
У торговца сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

* * *

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

КАНОН В ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка -
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славных новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.